



КОМНАТА
БОГА

АНТОН ЛАЗАРЕВ

АНТОН Лазарев

Комната Бога

«Автор»

2023

Лазарев А. А.

Комната Бога / А. А. Лазарев — «Автор», 2023

Около 9 тыс. лет до н. э. Главному герою Гуло любопытен мир вокруг. Что находится за той таинственной лесополосой, слабо проглядывающей на горизонте из-под толщи воды? Несмотря на то, что племя его взглядов не разделяет, он, смастерив кривую, примитивную лодку, в одиночку отправляется навстречу загадочным, необъятным просторам... Но в скором времени он находит свою смерть и просыпается совсем в ином, реальном мире. Он – тестировщик игр. Новый проект "Земной мир" значительно отличается от всех прочих невероятными, контрастными эмоциями, невиданной запредельной жестокостью. Герой, вместе со своим другом, начинает расследование, которое рушит все его представление об окружающем мире и о своем "Я"...

© Лазарев А. А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Гуло.	5
Роб Матти.	10
Одишо.	20
Игра в прятки.	30
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Антон Лазарев

Комната Бога

Гуло.

Около 8 тысяч лет до н. э.

– Ну?! Как вам? – мужчина среднего роста, из одежды на котором была лишь куцая набедренная повязка, с трудом справлявшаяся со своим предназначением, оперся ногой на диковинную для всех собравшихся конструкцию. Это было деревянное плавательное средство, отдаленно напоминавшее современную лодку. Три бревна с закругленными краями, обтесанными каменным орудием, были связаны между собой веревкой из виноградной лозы. В центральном, самом широком из бревен, – выдолблено теслом две ниши, так, чтобы в них могло уместиться по человеку.

Вокруг теснилась толпа из двадцати человек – большая часть всего племени. Женщины, старики и дети. Сильная часть первобытной общины, в составе девяти человек, ушли на заре на охоту. Мужчина, представив им свое творение, стоял, горделиво выпрямив осанку, опершись одной рукой на кривую палку, которой в скором будущем предстояло стать веслом. Новатору-изобретателю было всего около тридцати лет, но по современным меркам, на вскидку, ему можно было дать все шестьдесят. Худощавое и жилистое тело было сплошь покрыто мелкими рубцами и ссадинами. Длинные, некогда русые волосы до плеч и густая борода были изъедены сединой. На морщинистом лбу виднелся глубокий шрам, полученный еще много лет назад в стычке с соседним племенем. В обзор его узких, зеленых глаз, неизменно попадал большущий толстый нос, с наличием которого он несомненно давно свыкся. Несмотря на весьма потрепанный временем и неблагоприятными обстоятельствами внешний облик, глаза мужчины продолжали по-мальчишески задорно светиться, чего нельзя было сказать про его собратьев, окруживших его кольцом. Хвалебных возгласов не последовало. Члены племени смотрели на него пустым, затуманенным взором; мысль в головах их, казалось, разгуливала перекаати полем по лишенным извилин мозгам.

Длинный, песчаный пляж тем временем умиротворенно ласкали волны под нежным натиском легкого, летнего бриза. Группа расположилась поодаль от перешептывающихся волн, в тени могучего, пышного дерева, величественно раскинувшего свои длинные толстые ветви. Растрескавшаяся, выщербленная временем и ветрами кора громоздкого растения говорила о том, что лучшие его года уже позади. За сотни лет, этот исполин успел насладиться жизнью сполна; вокруг него сменялись эпохи, он ощущал на себе свирепые бури и грозы, после которых всегда приходили сладостные, согревающие лучи солнца. Как и сегодня – бархатное дуновение ветра, сияющий в безоблачном небе желтый диск, безвозмездно одаривающий все живое теплом.

– Гуло! И ради этой ерунды ты пропустил охоту? Нам есть нечего, идиот! – возмущенно завопила женщина, поглядывая на странное, по ее непреклонному мнению, абсолютно бесполезное изделие. Она была старшей из жен вождя племени и к ее слову прислушивались с особым трепетом. Соплеменники все как один одели маску осуждения, и хмуро сверлили порицанием пролагателя новых путей.

– Райда, ты не понимаешь! Это изменит наше представление о мире, – воодушевленно и добродушно начал оправдываться Гуло. – На этой штуковине можно добраться до той лесной полосы на горизонте, что так долго была для нас недосыгаема. Новые земли! Я уверен там будет много еды...

– Да там точно такой же пустырь, как и здесь! – рассерженно рявкнула Райда. – Что ты хочешь там увидеть? Розовых бизонов? Или может быть трехголовую черепаху? Сегодня утром я провела обряд крови, и наши мужчины вернутся с добычей. А ты... Ты позор племени! Вечно витаешь в облаках, пока другие работают.

– Да!

– Так и есть!

– Все верно говоришь, Райда!

Раздались поддакивающие, злобные возгласы из толпы.

– Как будто обряд крови хотя бы раз помогал... – пробурчал себе под нос Гуло.

– Что ты сказал?! – проскрипела Райда, приблизившись вплотную к горе-изобретателю, одарив его своим затхлым дыханием.

– Я могу доказать! – твердо выпрямился Гуло, с трудом сдерживаясь, чтобы не сморщить лицо. В глубине души он знал, чем обернется его презентация, но все же надеялся, что ему удастся пробудить в соплеменниках тот же огонек, что разгорается в нем, при каждом взгляде на таинственную лесополосу, слабо проглядывающую на горизонте из-под толщи воды. Ведь наконец-то ему удалось сотворить первый рабочий прототип, все предыдущие потерпели неудачу. Вчера Гуло испытал его, он отплыл на пару сотен метров от берега и сделал несколько кругов. Дальний предок привычной нам лодки выдержал проверку, только дал течь в нескольких местах. Исправив недочеты, в мыслях своих, конструктор-новатор уже мчался навстречу новым мирам... Осталось только согласовать свои смелые планы с племенем, частью которого, он, к сожалению для себя являлся. Конечно главной мотивацией, что двигала им, был вовсе не поиск пищи. Он просто был любознательным романтиком с пытливым умом, хотя сам и не подозревал об этом. Но в племени его взглядов никто не разделял, и потому разум Гуло все чаще в последнее время посещала тоска. На него смотрели как на сумасшедшего и лишь тот факт, что несколькими вылазками на охоту ранее, он в одиночку поразил бизона копьем, сейчас удерживал толпу от того, чтобы набросится на него с кулаками. Ведь все работали, пока, как они считали, он празднично занимался ерундой.

– Сегодня я отправлюсь к той земле на горизонте и привезу вам пищу! – с непоколебимой уверенностью заявил он собравшимся вокруг. Гуло шел ва-банк. Он понятия не имел, что его будет там ожидать, но это был единственный способ добиться желаемого.

– Не гоже это, соваться куда не просят, – проворчал дряхлый, сгорбившийся дед. Он был самым старым из всех, и так как пользы от него уже не оставалось (со стариками в то время возились не долго), дед в страхе от приближавшейся смерти в одиночестве, вдруг расслышал голоса богов и объявил себя шаманом. – Небеса ты только прогневаешь своими выходками, дурачина! – воскликнул он и приблизился к Гуло, плюнул в его сторону, но густая от жары слюна безобидно повисла на губе скверной белой каплей. Тогда старик поднял свой сморщенный кулак и гневно затряс им в воздухе, тем самым давая понять богам, что он не разделяет намерений своего соплеменника.

Все обратили свой взор на Райду, ее слово было решающим. Ей больше других не нравилась эта затея, но пищи в последнее время становилось все меньше. Стояла засуха, растительности сильно поубавилось. Охотники все чаще возвращались ни с чем. С одной стороны были горы, которые по непонятным причинам нагоняли на всех жуть, с другой – вода. Мысль о новых территориях с пропитанием перевешивала страх перед богами.

– Пусть плывет, – произнесла хриплым голосом Райда. – Если не вернется, – ну и черт с ним! И если боги прогневаются, так только на Гуло. Они то видят, что мы тут ни при чем.

Члены племени одобряюще закивали.

– Да!

– Пусть плывет куда хочет, дурак!

– Черт с ним!

– Без добычи можешь не возвращаться, – добавила Райда, угрожающе выпятив нижнюю челюсть.

По лицу Гуло поползла едва заметная улыбка. Не смотря на всю опасность мероприятия, он с радостью предпочел бы смерть, чем прозябать такой однообразной, блеклой жизнью. Не осознавая почему, да и не пытаясь найти причины, – он чувствовал, что эта миссия его предназначение.

Не теряя времени Гуло принялся высекать теслом из толстой ветви второе, запасное весло. Члены племени разошлись. Осталась лишь ребятня, с интересом наблюдавшая за процессом.

Своих детей у Гуло не осталось. Его семью перебила соседняя община несколько лет назад. Тогда, прибежав на крики, он с остальными охотниками сумел отбить свои владения и уничтожить всех членов вражеской группы, но спасти семью не удалось. В те времена это было обычным делом. Другие на его месте уже спустя пару недель обзаводились новыми женами, но Гуло был иным. С тех пор он остался одиночкой. После потери семьи, лесополоса, маячившая далеко на горизонте, манила его все сильнее. В отличие от не видящих дальше носа соплеменников, его регулярно посещали мысли: “Что там за горами? Что там за горизонтом?”.

С силой сжав весло в руках и убедившись, что оно получилось крепким и надежным, он привязал его к лодке и проявив недюжинную мощь, не под стать его телосложению, – потащил тяжелую лодку к берегу. Дети провожали его вприпрыжку с озорными возгласами и свистом. Пожалуй, они были единственными представителями племени, кому нравились его затеи. Хмуρο они смотрели на него лишь в присутствии взрослых, копируя их поведение.

Лодка уже безмятежно покачивалась на бирюзовых волнах, в ярком свете полуденного солнца. У Гуло есть часов шесть, чтобы добраться до неведомых земель до темноты. По его прикидкам, – этого более чем достаточно. Переночует на берегу или в лесу, а утром отправится на разведку. Расположившись в глубокой нише, той, что ближе к носу, Гуло оттолкнулся веслом и грузная деревянная конструкция двинулась вперед, навстречу новому, неизвестному, хорошему или плохому – плевать. С несходящей с лица легкой, самодовольной ухмылкой, первопроходец размашистыми движениями весла устремился к своей цели.

Прошло пару часов в напряженных потугах. Лесополоса на горизонте вырисовывалась чуть более ясно, но ее по-прежнему отделяло от Гуло широкое, водное пространство. Запылавшись, он решил немного передохнуть. Прикрепив весло к борту, первооткрыватель откинулся на спину и устремил свой взор к светло-голубой, небесной глади. Теплые лучи дневного светила бережно растекались по его довольному лицу. Гуло обернулся назад. Так далеко он еще не заплывал. Фигуры детей уже были не различимы. Деревья за песчаной полосой превратились в единую, зеленую массу. Гуло повернулся обратно к небу. Он ощутил разбегающиеся по телу мурашки и улыбнулся. Впервые за долгое время он прочувствовал состояние счастья. Свобода! Здесь он не обязан никому ничего объяснять. Выполнять скучную, однообразную работу. Вокруг лишь природа, с ритмом которой сейчас уравнилось его дыхание. Мирные, любовные всплески волн о лодку. Едва уловимое, мягкое дуновение ветра. Космос, о существовании которого он не знал, пронизывал его насквозь, дарил крупинку своей безграничной силы.

“Так хорошо! Но нужно двигаться дальше...”

Маленькое судно неспешно скользило по лениво переваливающимся в лучах солнца волнам. Лесополоса на горизонте проступала все четче. Вот уже видны отдельно стоящие деревья, выделяющиеся на фоне остальных за счет своих немалых размеров.

Капли пота на лбу искрились яркими бликами. Гуло устал, но не сбавлял темпа. Еще маленько и наконец он ступит на земли, к которым так долго стремился. Мышцы стали отдавать болью при каждом новом взмахе веслом, но это терпимо. Осталось совсем немного.

Вдруг одно из бревен отошло в сторону и быстро начало отдаляться. Веревка, скреплявшая его, размякла и лопнула. Гуло попытался зацепить бревно веслом, но тщетно, он лишь оттолкнул его еще дальше. Деревянная конструкция накренилась и начала черпать воду. Гуло размахивал веслом, что есть сил. “Ну за что?!” – подумал он. Ведь цель так близко. “Ладно! Главное не сдаваться.” Он решил грести, пока лодка не начнет уходить под воду, а после бросит ее и отправится вплавь. “Все ерунда. Сделаю новую, еще лучше прежней”, – мысленно подбадривал он себя.

Внезапно его посетило странное, тревожное чувство, будто ощутил, что он здесь не один. Гуло огляделся, – позади, рассекая чистую, водную гладь, пронесся плавник. Акула! Словно удар током, пронзил его панический страх. Ошибки быть не могло, ее грозная туша отчетливо вырисовывалась под толщей воды.

“Чертова тварь! Как не вовремя!”, – отчаянно вскрикнул мысленно Гуло, пытаясь ускориться, насколько это было возможно.

Акулы как-то сожрали несколько его соплеменников, рыбачивших вплавь с деревянным копьем вблизи берегов. Но в это время года они никогда не показывались и, Гуло, из всех поджидавших его теоретических опасностей, вычеркнул данный вариант из головы. А она здесь, кружит вокруг. “Нет, тварь! Не сегодня!” – отчаянно ухмыльнулся он и вытащил из-за пояса тесло, обхватив его рукоятку вместе с веслом, чтобы в любой момент быть готовым к схватке с непрошеным, кровожадным гостем.

Лодка уже на треть заполнилась водой. Грести становилось все сложнее. Силы заканчивались. Гуло приподнялся и на полусогнутых скользнул в воду, крепкой хваткой зажав в руке каменное орудие. Оказавшись в воде, он открыл глаза, в испуге выкручивая голову, в попытках рассмотреть коварную рыбину. Но толи акула уплыла, толи водная толща скрывала ее, – вокруг никого. Решив не дожидаться ее возвращения, он двинул к берегу. Гуло хорошо плавал, но силы были на исходе, потому он рассекал водную массу неспешно, пытаясь восстановиться. Время от времени он подныривал, чтобы убедиться, что акула его не преследует. В очередной раз нырнув, он сделал вывод, что опасный хищник, потеряв к нему интерес, скрылся в бескрайних водных просторах.

До берега оставалось около сотни метров. Таинственная лесополоса, некогда мутно видневшаяся на горизонте, теперь представилась взору Гуло во всех деталях. Внешне суша эта мало чем отличалась от его родной, привычной, но новоиспеченный исследователь все равно был наполнен радостным трепетом. “Еще чуть-чуть”, – подумал он и ускорился, почувствовал прилив энергии. В следующее мгновение Гуло ощутил резкую, жгучую боль в ноге, сковывающую все его тело. Голова закружилась, он начал захлебываться и уходить под воду. Задействовав все имевшиеся резервы в организме, собрав волю в кулак, через нестерпимую боль, Гуло всплыл на поверхность и набрав воздуха в легкие, стиснув зубы, нырнул под воду. Судорожно мечась взглядом по сторонам, в мутной от потерянной крови жиже, он увидел быстро приближавшуюся к нему акулу с разинутой пастью. Хищник, прокусив ему ногу, сделал круг и теперь ринулся завершить начатое. Но Гуло не желал соглашаться с подобным раскладом. Когда до чудовищной морды оставалось не более метра, он, упершись одной рукой в тупой нос зверя, а второй за край рукоятки, размахнулся, что есть сил, и воткнул тесло в нижнюю челюсть, прямо промеж зубов. Рефлекторно сомкнув пасть, акула продвинула лезвие еще глубже, расправив нижнюю челюсть насквозь. Конвульсивно дергаясь из стороны в сторону, грозная рыбина быстро скрылась из виду в темном кровавом облаке, в бессильных потугах избавиться от каменной, прожигавшей болью занозы.

Гуло, совсем ослабший, задыхаясь от затекавшей в рот и нос морской воды, все же греб к берегу. Нога онемела, бесполезно болтаясь якорем, но он плыл, проявляя невероятную стойкость духа. Нескончаемо кружились мысли в голове: “Я смогу. Я доплыву!”

Наконец, неповрежденной правой ногой он нащупал землю. С облегчением опершись на нее, он немного отдышался. Подпрыгивая и загребая воду руками, он подбирался к берегу. Когда глубина стала ему по пояс, Гуло упал и ползком на четвереньках, волоча за собой окровавленную ногу, выбрался на песчаный берег. Откинувшись на спину, он надрывно хрипел, пытаясь наладить сбившееся дыхание. Боль от укуса он уже не ощущал, ему казалось, будто ноги и вовсе не было. Собравшись с силами, упершись локтями в песок, он приподнялся на трясущихся руках, чтобы рассмотреть повреждения. Кость в двух местах была раздроблена мощной челюстью. Из колотых, рваных отверстий пульсировала густым потоком кровь. Гуло сорвал с себя набедренный пояс и попытался перетянуть им рану, но голова пошла кругом, он почувствовал, как последние капли энергии, слабо питавшие его организм, иссякли. Он завалился на спину, разум стал проваливаться в сумрачную пелену. Приятная дремота овладевала им. Глаза стали слипаться. Несмотря на то, что сон так сладостно растекался по телу, Гуло еще не полностью померкнувшим рассудком понимал, что спать сейчас никак нельзя. Он приложил мокрую набедренную повязку ко лбу и на мгновение взбодрился. Отважный первопроходец посмотрел на небо, – необъятное, ярко-синее полотно. Где-то, разрозненными стайками, проплывали белые, розовые, золотистые облака, беззаботно, неторопливо плывущие в бескрайнем просторе. Слепяющий солнечный диск неспешно клонился к горизонту. Жизнь вокруг шла своим неизменным чередом. “Как же красиво!”, – подумал Гуло. Он сжал теплый, мягкий песок в ладонь и вновь ощутил разбегавшиеся по телу мурашки. “И все-таки я смог. Я добрался”...

Глаза первооткрывателя сомкнулись. Сон забирал его. В предсмертном бреду, в его сознании рисовались странные картины. Ему мерещилось, что он видит свое тело со стороны, лежащим на берегу, а над ним стоит стройная девушка, одетая в невиданные, странные одежды. Незнакомка вытянула руку и ей на ладонь, медленно, прямо с небес опустился небольшой черный объект. Вдруг все изображение слилось в беспорядочные, абстрактные яркие кляксы, изредка проявлялись лишь туманные обрывки воспоминаний. Разум угасал.

Прерывисто вздымавшаяся грудь Гуло резко замерла. С тихим сопением воздух в последний раз покинул легкие.

Волны продолжали нежно перешептываться в игривых, шелковистых потоках летнего бриза. Солнце погружалось за горизонт, растекаясь сочными, бордово-оранжевыми красками по водной поверхности. Завтра оно вновь засияет в небесном пространстве, согревая в лучах своих новые жизни.

Роб Матти.

“Какая-то плотная, глинистая масса сковывает тело. Не могу пошевелиться. Ничего не вижу. Куда я провалился? Хочу выбраться”, – словно во сне, усланном туманом, в вакуумном бесконечном пространстве, размышлял Гуло.

– Все показатели в норме. Отключаю систему, – послышался откуда-то, будто из параллельного мира, приятный женский голос.

Заработал некий механизм, что-то тихо загудело.

Мглистая пелена перед глазами постепенно рассеивалась.

“Что это? Я в пещере?” – с усилием напрягая ослабевший разум, терялся в догадках Гуло.

В приглушенном свете перед его взором плавно проявлялись детали окружения. Над головой тускло мерцал синим цветом, полупрозрачный прямоугольный объект. Выше, волнообразный, сферический потолок переливался светло-голубыми бликами, будто в нем отражалась водная гладь. Слабо различимые, странные предметы, которые Гуло не мог идентифицировать. Дыхание понемногу стабилизировалось. Он никак не мог понять лежит он или стоит, тело будто находилось в невесомости. Гуло попытался сжать кисть руки, но не смог пошевелить даже пальцем.

– Беспокоиться не о чем. Через пять минут память и чувства восстановятся. Потерпи немного, – вновь зазвучал заботливый женский голос.

Прямоугольный объект, зависший перед лицом, сделал несколько оборотов вокруг своей оси и удалился. Гуло попытался проследить куда направился магический светящийся куб, но не смог поднять голову.

Искрящие, витиеватые, бело-голубые отблески на потолке приковали его внимание. Гуло стало казаться, будто он парит над океаном, словно не имеет больше тела, только чистое сознание. Он растворился в этом необъятном просторе. Безмятежное блаженство поглотило разум. Гуло слышал легкий, едва уловимый фоновый шум, напоминавший шелест волн о песчаный берег. Он стал никем. Позабыл свое имя, свою жизнь. Синхронизировался с пространством вокруг, стал одного с ним состава.

Что-то вытолкнуло его из этого состояния. По ощущению это было похоже на резкое пробуждение, когда, цепляясь за сладостный сон, еще пытаешься вернуться в то благодатное забвение, но с сожалением осознаешь, что оно ускользает от тебя неимоверно быстро, тает как снежинка и все, что осталось – лишь крохотная капля воды, бесследно высыхающая на ладони.

– Процесс восстановления завершен. Добро пожаловать домой, Роб. – все тот же, но уже не столь приятный слуху голос, нарушил тишину.

Действительность пронзила словно молния. Мысли с поразительной скоростью выстраивались в голове в старый, теперь казалось такой естественный, очевидный порядок. Еще несколькими минутами ранее бесстрашный первопроходец Гуло, главной целью жизни которого стала окутанная таинственной пеленой лесополоса на горизонте, теперь вспомнил кто он есть на самом деле. Его звали Роб Матти.

– Охренеть, – прошептал Роб.

Он находился в специальной капсуле – модуле погружения. Вытянутый эллипсоид, с белым, глянцевым покрытием. Крышка с прозрачным стеклом была открыта. Матти лежал в нише из материала похожего на силикон, идеально подогнанного под форму его тела. Он сел, оставив ноги в прорезиненной, желеобразной массе. Запустив пальцы в волосы, Роб ощутил тактильное блаженство, – вместо грязной, черствой растительности он обнаружил густую, ухоженную, шелковистую шевелюру, – являющуюся ныне редуцированным микро-органом, служившим лишь модным аксессуаром, нежели природным защитным покровом.

– Включить освещение, – дал распоряжение Матти.

Все вокруг озарилось равномерным, ярким, но не слепящим светом, источник которого не наблюдался. Казалось, светился сам материал на стенах.

Роб находился в небольшой комнате с круглыми стенами, плавно перетекавшими в сферический потолок, с волнообразной, рельефной структурой. Модуль погружения, в котором находился Матти, реял в полуметре от пола, по центру помещения. Мебели здесь практически не было. В нескольких метрах от капсулы зависло в воздухе овальной формы кресло, рядом с ним левитировала столешница, на которой стоял стеклянный стакан с зеленой жидкостью. В половину периметра стены располагался полукругом экран, поделенный на множество различных видеоизображений. На самом большом из них, по центру, красовалась окруженная холодным мраком космоса планета Земля, с расстояния примерно в тридцать тысяч километров. На картинке виднелся текст:

Проект: Земной мир.

Год смерти: 8235 лет до н. э. Сеанс окончен насильственной смертью. Внутри игровое время: 27 лет, 5 месяцев, 16 дней, 2 часа, 40 минут, 13 секунд.

– *Запросить подробный отчет.*

– *Связаться с техподдержкой.*

– *Подать заявку на новый сеанс.*

На соседних изображениях, с такого же ракурса, виднелись различные планеты с названиями своих миров. Каждая в своей цветовой палитре: розовые, синие, зеленые, фиолетовые. Некоторые из них были практически копией Земли.

Роб, все еще сидя в модуле, долго, усталым, отрешенным взором смотрел на медленно вращавшуюся планету Земля.

– Эйла, сколько я пробыл в сеансе? – тихим голосом спросил Матти, не сводя взгляд с экрана.

– Десять минут, четыре секунды, – раздался привычный женский голос.

– Ничего не понимаю... Кажется, будто прошла вечность. – Роб понуро уставился в пол.

– Это нормально. Тебя же предупреждали, что выход из первого сеанса всегда проходит особенно болезненно. Тебе нужно освежиться. Рекомендую посетить бассейн, и на столешнице стоит коктейль-энергетик из свежих фруктов.

– Болезненно здесь слишком мягкое слово... У меня мозги кажется сейчас закипят.

Матти спрыгнул с капсулы, ноги бесшумно коснулись внешне твердой поверхности пола, словно это был ворсистый ковер. Он был абсолютно голый. Роб имел стройную, спортивную фигуру, рост под два метра, густая, черная копна волос на голове. Широкие скулы добавляли брутальности его облику. Правильные черты, идеальная симметрия, – делали его неестественно красивым, он был похож на манекен.

Роб залпом выпил стакан сока, ощутив приятную прохладу внутри. Подошел к дверному проему, который был обозначен светящимся синим ореолом в стене. Перед дверью, не имевшей ручки и замочной скважины, на светло-сером полу выделялся черный круглый контур, диаметром около метра. Матти встал по центру фигуры и сказал:

– Бассейн.

Через секунду дверь исчезла, будто мгновенно растаяла в воздухе. По другую сторону виднелось просторное помещение прямоугольной формы, основную площадь которого занимал длинный бассейн. Белое покрытие пола, белые стены и потолок. На одной из стен, вдоль длинной стороны бассейна тянулось широкое, единое полотно видеоэкрана, на котором, с отдаленного расстояния, словно камера была уставлена на дроне, зависшем высоко в небе, были изображены многочисленные дома всевозможных, невероятных форм, нарушавших известные законы физики. Некоторые здания имели основание толщиной в метр и расширялись кверху во много раз. Отдельные строения были закручены в спираль или имели круглые, овальные обли-

чия. Но основной странностью являлась даже не их форма, а отсутствие толщины. Это были лишь фасады, лицевые стороны сооружений в виде плоскости, будто вырезанные из бумаги.

Роб разбежался и прыгнул в воду. Он никак не мог прийти в себя, стать тем, кем был до игрового сеанса. Персонаж Гуло теперь плотно засел в его памяти, стал частью сознания. Матти набрал воздуха, обнял колени руками и опустился на дно бассейна. Вода приятно обволакивала тело, освежала разум. Внезапно, вслед за бодростью пришло чувство тревоги. Сердце нараставшим, тяжелым колоколом запульсировало в барабанных перепонках. Он открыл глаза и пугливо осмотрелся. Ему тут же стало стыдно за свой страх... Акулы здесь быть не могло, но жутковатое напряжение не покидало голову. Роб всплыл и поспешно выбрался из бассейна, ощутив облегчение. Он не стал подходить к сушилке, ему хотелось подольше чувствовать на себе, сбегавшие вниз по телу, прохладные струйки воды. Матти вновь встал в центр круга перед закрытой дверью и произнес:

– Игровая.

Его взору предстала только что покинутая им комната. Он вошел и присел в парящее над полом кресло, и, двигая указательным пальцем в воздухе, стал пролистывать видеоизображения разных планет. На каждом варианте появлялась надпись с названием планеты. Ниже виднелся красный текст:

Бета-версия. Нет доступа.

Пройдя по кругу, он вернулся к Земле. Белые облака, закрученные в затейливые узоры, медленно плыли над обширными, сине-голубыми морями и океанами, окружавшими песочно-зеленые материи.

Роб завис, перебирая мысли в голове. Он пытался припомнить, какие дела требуют его внимания, но не нашел ни одного важного. Разве что, можно встретиться с другом. Ему хотелось с кем-то поговорить, поделиться. Матти начал пролистывать в голове насыщенную, первобытную жизнь Гуло, наполненную бесконечными заботами, переживаниями, контрастными эмоциями. Как же все это было странно. В его мире ничего подобного не было.

Просидев около получаса в отрешенном бездействии, Роб выбрал в меню: “*Подать заявку на новый сеанс*”. Текст подсветился белым цветом. Матти сверлил эту надпись взглядом, не решаясь нажать на кнопку. Наконец, спустя несколько минут, он взмахнул пальцем и на экране появился текст:

“Ваша заявка принята. Ориентировочное время ожидания – 10 часов. Мы свяжемся с вами за 2 часа до начала игрового сеанса.”

– Эйла, свяжись с Ларбом Уитсом. Узнай где он сейчас. Хочу с ним встретиться, – дал распоряжение Роб.

– Сделаю, – отозвался искусственный интеллект.

Матти встал в центр круга перед дверью, той, что немного времени назад проводила его к бассейну, и произнес:

– Гардероб.

По ту сторону дверного проема возникла небольшая, пустая комната, за исключением одного шкафа, стоящего в углу, больше похожего на холодильник. Стены и потолок имели зеркальное покрытие. Роб подошел к зеркалу, примыкавшему к шкафу, и скомандовал:

– Шорты и майка. Показать варианты.

В зеркальном отражении, будучи при этом по-прежнему обнаженным, он предстал в комплекте одежды: синие шорты и облегающая тело белая майка. Пролистнув пальцем еще несколько вариантов пошива, которые тут же сменялись на нем во всех ракурсах окружавших зеркал, Матти вернулся к первому и подтвердил выбор. На экране так же появились подходящие варианты обуви, но он отверг их, решив остаться босым. По дверце шкафа поползла шкала загрузки. Меньше чем через минуту, шкаф отворился и выехал ящик с выбранной Робом одеждой.

Вернувшись в игровую комнату, он на мгновение вздрогнул от неожиданности. Скрестив на груди руки, спиной к нему, рассматривая изображения на видеозэкране, стоял человек в черных узких штанах и серой рубашке с коротким рукавом. Роб узнал его по прическе. Короткие волосы были выбриты на затылке в завивавшийся спиралью узор. Непрошенного гостя звали Слим Барден.

– Как вы... Я не получал запроса на посещение от Эйлы, – растерянно пробормотал Матти.

– К чему эти формальности? Я решил их обойти. – Слим приветливо улыбнулся Робу. Это был подтянутый, высокий мужчина, на вид лет тридцати, не больше. Худое, вытянутое лицо, длинный узкий нос. – Я услышал, что вы подали новую заявку на игровой сеанс и решил навестить вас. Мы рекомендуем после первой сессии сделать паузу. Процесс погружения слишком сильно затягивает, оставляет глубокие отпечатки в сознании. Нужно время, чтобы прийти в себя, отделить настоящий мир от вымысла. Как вы себя чувствуете? Нам очень интересно узнать ваши впечатления. – лицо Бардена вновь растеклось в дружелюбной улыбке.

Роб ответил не сразу. Пару секунд он решал насколько ему быть откровенным в разговоре и быстро сделал вывод, что скрывать что-либо нету смысла, заговорил:

– Честно говоря я до сих пор нахожусь в шоке. Я тестировал огромное множество различных проектов, но ничего подобного не испытывал... Кажется, до сих пор ощущаю физическую боль от укуса. А окончание сессии... Я будто перестал существовать на какой-то момент времени. Не могу даже описать эти эмоции... Абсолютная жуть – вот, пожалуй, верная формулировка. В игре я был уверен, что существует смерть и все ее страшатся. Этот страх – ужасное состояние. Теперь я понимаю, почему разработка проекта держится в строжайшем секрете. – Матти сделал паузу. Поразмыслив немного, продолжил: – Не хочу горячиться, но есть серьезные опасения на счет выхода игры в массы. По крайней мере в таком виде. Мне нужен еще хотя бы один сеанс, и я предоставлю детальный отчет.

– Понимаю. Этот проект действительно не имеет аналогов. – Слим присел в кресло и закинул ногу на ногу. – Потому я и отменил вашу заявку. Вам нужно развеяться, отвлечься.

– Возможно вы правы, и я поторопился, – согласился Роб. Он задумался и добавил: – Обычно при выходе из игрового сеанса, первая эмоция от осознания, что все было вымыслом – это смех или хотя бы улыбка. А меня пожирает мрак и тоска...

Слим ничего не ответил. Он лишь едва заметно закивал головой и загадочно улыбнулся.

– Неужели совсем не понравилось?

– Я же говорю, пока не могу сделать однозначные выводы. В голове каша... Определенно там было много прекрасного. Такого уровня адреналина не получал ни в одном ужастике... А, как у других? Похожие впечатления на мои? – Матти вопрошающе уставился на Слива.

– Да. У всех примерно так же, – сухо ответил Барден и поднялся с кресла. – Но мы продолжим тестирование. Если совсем тягостно, вы можете отказаться от проекта. – он прошел к двери и, обернувшись, с вновь посетившей лицо улыбкой, произнес: – И так, мы договорились? Отдохнете и, если будете готовы, можете подавать новую заявку.

– Договорились.

– Вот и славно!

Слим встал в центр круга перед дверным проемом и проговорил:

– Рабочий кабинет.

В следующее мгновение он шагнул в образовавшийся по ту сторону коридор и исчез за вновь проявившейся из ниоткуда дверью.

Роб, оставшись один, на короткое время завис, погружившись в размышления. После он обратился к искину:

– Эйла, почему тыпустила Бардена без моего подтверждения?

– Он сказал, что вы договаривались...

- Больше так не делай. Ты связалась с Уитсом?
- Да. Он в клубе “Черный квазар”. Ожидает вас.
- Ох... Опять он там. Ладно. Понял. Спасибо.

Роб пару минут задумчиво смотрел на экран с планетой Земля, подошел к двери и произнес:

- Клуб “Черный квазар”.

В центре обширного темного пространства, в огромном сферическом аквариуме, не имевшим швов и стыков, переливались, искаженные от быстрой скорости вращения, скопления звезд и сине-розовых газовых туманностей. Бесчисленные мелкие яркие огоньки оставляли за собой длинные, светящиеся хвосты, которые угасая, переплетались с траекториями других звезд, склеиваясь в единую инсталляцию. Ядром, чье гравитационное поле удерживало вокруг себя весь этот сверкавший хоровод, была микроскопическая черная дыра, окруженная сиявшим, желто-огненным аккреционным диском. Раскаленные, разноцветные слои газа, закручиваясь в спираль, медленно падали на бесконечно черное ядро, излучая при этом тепло, согревавшее всех собравшихся вокруг.

Описанную выше, уменьшенную в миллионы раз модель квазара, в окружении микрогалактики, поддерживало широкое, сетчатое полотно, служившее полом в данном заведении. Тонкие, сиренево-розовые линии завивались в красивые ажурные узоры, которые при каждом шаге немного проминались под ступней, а след еще несколько секунд выделялся приглушенным, перламутровым свечением, и после неспешно угасал. Сетчатый пол создавал ощущение, будто границы отсутствовали вовсе, внизу, сквозь полупрозрачную мембрану виднелась бескрайняя, угольно-черная пустота. Внешний контур стен раздольного коридора, закручивавшегося вокруг ослепительного, звездного круговорота в центре, не был никак обозначен, лишь безграничный космический простор куда ни посмотри. Но край все же имелся. Если идти навстречу космической ночи, в какой-то момент можно было упереться в мягкую пленку, которая тут же начинала переливаться сочными цветами, реагируя на прикосновение.

Матти сидел за длинной овальной столешницей, люминесцировавшей блеклым, сине-зеленым цветом. Столешница и кресла вокруг не имели ножек, просто плавали в воздухе над сетчатой поверхностью пола, сотканной из тонких как паутина, светящихся линий. Напротив Роба сидел его друг Ларом Уитс и Симона Кати, – подруга Уитса. Они чокнулись фужерами, сухо зазвеневшими в пестрящем изобилии красок вокруг, и выпили залпом их содержимое. Над столешницей возвышалась бутылка виски, уже почти опустошенная, и тарелка со все еще девственной, никем нетронутой фруктовой нарезкой.

– Все-таки ты сегодня странный совсем. Хмурый до тошноты... – Уитс пристально вглядывался в безэмоциональное лицо Роба. – А-а... Ну я знаю, что происходит. Я же говорил, нужно больше находиться в реальности. Так и свихнешься скоро. Что тестил на этот раз? Опять свои ужастики?

Роб замялся, с печалью осознавая, что не может поделиться с другом всей информацией.

– Я как раз собирался это обсудить... Тот самый секретный проект, помнишь, про который я тебе рассказывал? Я все-таки согласился. Пока что прошел один сеанс. Теперь никак не выбью его из головы.

– Ты мог бы с легкостью отказаться от дальнейшего участия, – с дружеским осуждением сказал Уитс. Цветные блики окружения, мелькавшие на его бледной, лишенной волосяного покрова голове, сейчас делали его похожим на представителя жанра хоррор. – Зачем так мучать себя?

– Ты знаешь ответ, – сухо произнес Матти.

– И все равно не понимаю. Помешался ты на играх. Столько развлечений вокруг, а ты лежишь в этой своей капсуле... Я вот даже не помню, во что последний раз играл, и знаешь, что? Прекрасно себя чувствую!

Ларом Уитс разлил спиртное по бокалам и поставил пустую бутылку в выделенную темным контуром, небольшую область в центре столешницы. Очерченная зона коротко моргнула светом, успев при том ослепить собравшихся за столом, и через мгновение мутный силуэт бутылки проявился в виде новой, закупоренной и непечатой.

– Ну это вечная тема для разговора, – с кривой ухмылкой промолвил Роб. – Помнишь, в прошлый раз ты даже согласился со мной, что в целом, ничего не мешает нам так же находиться сейчас в вымышленном мире. Реальность только в нашей голове.

– Во-первых, я был пьян тогда. Во-вторых, я не согласился, а сказал, что если даже это и вымышленный мир, то в любом случае он прекрасен. Зачем ломать себе голову по этому поводу?

– И тебе не скучно так жить? Ведь ничего не происходит и не меняется. Все по кругу. Ощущение искусственности нашего мира не покидает меня... Я все больше нахожу тому подтверждения.

– Да ты с ума сходишь. Я тебе как другу рекомендую, – завязывай с этим. И как это не меняется? Ты просто ничем не интересуешься. Куча новых локаций появилась для развлечений.

– Ага. Потому ты сидишь в старом добром “Квазаре”? – Матти, не дожидаясь ответа, продолжил: – Просто ты не поймешь. Я такое испытал. Это сложно объяснить словами. Совсем иной мир. Он не дает мне покоя.

– Так ты попробуй рассказать, может получится.

Роб тяжело вздохнул и с подозрением взглянул на сидевшую все это время с безучастным лицом Кати. Она отрешенно смотрела куда-то в пространство. Как и у большинства в этом мире – красивое, идеальной формы лицо. Под длинными, черными ресницами пестрели ясные, голубые глаза. На голову была надета рыжая шляпка с широкими полями, усыпанная мелкими блестками.

Ларом Уитс отметив, куда направлен встревожившийся взгляд Матти, сказал с улыбкой:

– За нее не беспокойся. Она на утро навряд ли что-либо вспомнит. А если и вспомнит, то никому не расскажет. Верно, Кати?

Девушка ничего не ответила, лишь показала Уитсу указательный палец, поднятый вверх. После чего взяла бокал, и, прежде чем пригубить из него, произнесла чуть заплетавшимся голосом:

– Я трезва как стеклышко.

Роб рассмеялся и последовал ее примеру.

– Ну вот! Мой друг вернулся в строй! – радостно воскликнул Уитс.

Они выпили и на какое-то время повисла тишина в разговоре. Внимание всех собравшихся в заведении сейчас приковала к себе крохотная черная точка, расположенная в центре “звездного аквариума”. Из ее полюсов, сверху и снизу, выстрелили потоки света, озарив яркой вспышкой и без того изобилующее светом пространство. Лучи устремились за край сетчатого пола и потолка, постепенно растворяясь в бескрайнем мраке.

– За последние разы моего здесь пребывания, чертов луч ни разу не указал на меня, – с досадой проворчал Уитс. – Может сегодня повезет.

Столпы света, исходящие из крохотной “черной дыры”, сменили вертикальное положение на горизонтальное и стали быстро вращаться по кругу, поочередно ослепляя посетителей. Вскоре вращение прекратилось, луч замер, выделяя светящимся ореолом одного из гостей. Луч сканировал мысли, воспоминания, различные обрывки и образы из головы случайно выбранного посетителя, определяя, что из этого взять для грядущего представления.

Все окружающее пространство стало мутнеть, плавно сменя картинку. Звездное скопление в центре исчезло, как и светящийся, сетчатый пол, с видневшейся за ним черной, бездонной пустотой. Зоны со столешницами и сидевшими за ними людьми отделились обширной пропастью. Матти с друзьями оказался на небольшом, неровном, округлом срезе колонны из скальной породы, похожей на колоссальной высоты сталагмит. Вокруг виднелось множество других подобных столбов, терявшихся тонкими прутьями в горизонте, будто они находились на теле гигантского ежа. Все колонны были разной высоты и распределены неравномерно, где-то более плотно, где-то расстояния между зазубренными, ребристыми башнями достигали нескольких километров, так, что группы участников сего шоу, теперь находившиеся на разных вершинах, не могли разглядеть силуэты друг друга. Внизу все было устлано непроницаемой туманной мглой, сплошным волнистым покрывалом, скрывавшим основания каменистых башен. Теплых красок в эту мрачную картину немного добавляло бордово-оранжевое, ясное небо.

– Ого! – воскликнул Уитс, подойдя к краю и взглянув вниз. – Похоже не только тебя одолевает тоска, Роб.

– Дело тут не в тоске, – Матти тоже подошел к краю и окинул взором горизонт. – Я помню эту игру, тут нужно прыгать с башни на башню в определенном порядке. Если нарушил порядок – башни начинают разрушаться.

– Значит кто-то в нее изрядно переиграл, – улыбнулся Ларом Уитс.

– Кромешный отстой, – резюмировала Кати, осмотревшись вокруг. Она не двинулась с места, по-прежнему сидела в кресле с бокалом в руке.

– Не переживай, это ненадолго, – успокоил ее Уитс.

Ларом с Матти присели обратно за стол.

– Знаешь, я вдруг понял, почему ты так часто здесь зависаешь, – обратился Роб к Уитсу. – Все дело в этих рандомных иллюзиях. Ведь они всегда разные. Хоть ты и говоришь, что тебе не бывает скучно, я думаю в глубине души ты согласен со мной. Иначе, какого черта мы с тобой так долго общаемся?! – Матти, с надменным выражением сыщика, с легкостью раскрывшего преступление, сделал жадный глоток виски.

– Никак ты не уймешься, – фыркнул Уитс, – Ну пусть ты и прав. Но какие есть варианты? Игры – все те же иллюзии, чтобы отвлечься. А реальный это мир или нет – мы никогда не узнаем. Размышлять на эту тему просто бессмысленно.

– Мне кажется я что-то нащупал... Странное чувство не покидает меня, словно я коснулся чего-то нового, и оно постепенно расползается по моему организму.

– Да ты пьян! – хохотнул Уитс. – По твоему организму расползается алкоголь.

Не принимавшая участия в разговоре Кати, тоже прыснула со смеху, и произнесла тем же нетвердым голосом:

– Отлично время провожу. Сажу с двумя сумасшедшими, посреди каких-то уродливых башен...

Роб подняв фужер, молчаливо взмахнул им в ответ, и продолжил, не обращая внимания на сказанное.

– Я может и пьян, но дело не в этом. Вот скажи, – сколько вообще мы тут живем? Ты задумывался хоть раз?

– Что значит сколько? Всегда, – с недоумением ответил Уитс.

– Всегда были и будем? Нету ни начала, ни конца. Разве это не кажется бредом? Всегда один день. Всегда одно и то же.

– Вот ты заладил! Ну почему одно и то же? Сегодня вот мы здесь, говорим об этом, а завтра будем в другом месте...

– Да я не про это. В целом, глобально ничего не меняется: все всегда на своем месте, ничего не ломается, все всегда есть, везде одинаково тепло и чисто...

– Ох... Не понимаю я тебя. Почему что-то вообще должно ломаться?

В это время окружение стало погружаться в сумрак. Силуэты башен постепенно растворились и из темноты вновь проявилась привычная, пестрящая красками и бликами, декорация клуба.

– Наконец-то, – с облегчением протянула Кати. – Я скоро вернусь. – она встала с кресла и направилась в сторону подсвеченной каймы дверного проема, оставляя за собой переливавшиеся приглушенным, перламутровым светом следы на ажурном полу.

– Ладно, попробую объяснить на примере, – возобновил Роб прервавшийся разговор, – Я расскажу тебе про проект, в котором принял участие. Только не забывай, я подписал договор о неразглашении.

– Ты же знаешь меня, секреты я хранить умею, – уверил его Уитс. – Я весь во внимании.

Матти кратко рассказал другу о проекте “Земной мир”. Быстро перепрыгивая с события на событие, он старался передать основную суть и атмосферу странного мира. Его опьяневший разум с трудом подбирал нужные слова, но все же он справился, по крайней мере ему так казалось.

– Там люди умирают и рождаются новые... Прямо из других людей! Это чувство, что ты не вечен, что у всего есть начало и конец, оно одновременно и пугает, и зачаровывает, – подытожил свое повествование Роб. – Несмотря на порой жуткие эпизоды, там я испытал и состояние абсолютного счастья... Даже не помню, ощущал ли я что-то подобное когда-либо в реальной жизни. Все игры, что я тестировал ранее – это совсем другое, там главная цель, – веселье, беззаботное развлечение. Там нету боли или каких-то глубоких переживаний кроме короткого испуга. В общем, проект “Земной мир” не сравним ни с какими играми, я словно побывал в какой-то параллельной, совсем иной реальности...

Повисла тишина. Уитс задумался, медленно вращая пальцем стакан на столешнице.

– Мне, конечно, сложно все это представить... – произнес он, почесывая затылок. – Я правильно понимаю, ты хочешь сказать, что эта игра, этот проект, в котором ты побывал, лучше реальности?

– Я и сам пока что путаюсь в мыслях... Моментами да, она прекрасна. Даже так, – моментами она гораздо живее и реальнее нашего с тобой мира.

Ларом Уитс снова затих. Он молча поднял бокал с виски, предлагая Робу присоединиться. С приятным, протяжным звоном стекла сосудов коснулись друг друга. Со звучным хлопком приземлив опорожненный стакан на столешницу, Уитс решительно заявил:

– Я тоже хочу принять участие в проекте. Возможно я об этом пожалею, но раз ты мой друг, я хочу понять, о чем ты мне так долго и упорно тут втираешь.

Роб улыбнулся.

– Я не хотел агитировать...

– Не хотел, но получилось именно так, – перебил его Ларом и улыбнулся в ответ.

Вернулась Кати и первым делом разлила оставшийся виски. Роб и Уитс жестом дали понять, что они пропускают. Девушка выпила в одиночестве и с спросила с надеждой:

– Я надеюсь, вы закончили свои унылые разговоры?

– Да. И ты, кстати, пропустила самую увлекательную их часть, – подмигнув, ответил Уитс.

Столпы света вновь выстрелили из полюсов угольно-черного ядра в центре звездного хоровода. Луч света после серии вращений остановил свой стремительный поток фотонов на Уитсе.

– Да неужели! – возбужденно завопил Ларом, сияя в свете прожектора.

Все посетители заведения оказались на открытой, просторной поляне, из центра которой расплывались во все стороны, будто призрачные хлысты, лучезарные кружевные узоры. Темно-синее небо было увешано звездами-фонарями, всевозможных кривых форм и цветов, перели-

вавшихся, словно ожерелье из драгоценных камней. Все люди стали полупрозрачными, будто начерченными цветными карандашами, состоящими из точек и ломанных, светящихся линий.

– Это вам не чертовы унылые башни! – торжествующе вскрикнул Уитс под ликующие вопли толпы.

Громко заиграла ритмичная электронная музыка, гулким шумом пронизывая каждую клетку организма. Группа людей с неразличимыми лицами двигалась в такт мелодии, расплываясь в танце. Линии-контура, из которых состояли тела, сливались в единую пестрящую массу. В сознании Матти все расплылось сплошной, клокочущей, пульсирующей сочными огнями кляксой.

Роб проснулся в игровом модуле погружения. Стеклопанная крышка была откинута в сторону. Он открыл глаза, и долго лежал, глядя в потолок, с трудом собирая по кусочкам, как сброшенный на пол пазл, воспоминания в опустевшей голове. Убедившись, что ему не удастся воссоздать и половины картины вчерашнего вечера, Матти принял положение сидя, свесив ноги с капсулы и уставился на экран. Планета Земля по-прежнему свершала неспешные вращения в окружении нескончаемой, космической ночи. В верхнем правом углу виднелась надпись с обратным отсчетом:

“Ваша заявка принята. Время ожидания – 3ч.:21м.:47с. Мы свяжемся с вами за 2 часа до начала игрового сеанса.”

– Как самочувствие? – прозвучал знакомый голос Эйлы.

Роб обернулся. Позади стоял его искин в человеческом облике. Это была красивая девушка со стройной фигурой, белыми тонкими бровями и длинными белыми волосами ниже пояса, заплетенными в тонкие косы. Медовые глаза, наполненные истинным разумом. От человека ее отличало лишь внутреннее устройство: скелет из сверх прочного и легкого, будто пластмасса, алюминиевого сплава, квантовый процессор и связующие все это искусственные нейронные сети. В остальном это был практически полноценный живой организм, присутствовали органы дыхания, кровообращения. Она могла даже пить и есть, хотя не нуждалась в этом. Эта функция использовалась только в случаях, когда человек от скуки просил составить ему компанию. Людям в этом мире тоже необязательно было питаться, все запасы энергии и необходимые для работы организма вещества можно было пополнять в медицинском модуле, – короткая, минутная процедура. Большинство жителей “Артии” так и поступало, пищу употребляли редко и исключительно для удовольствия. Необходимость имела только в поступлении жидкости в организм.

Эйла держала в руках поднос, на котором переливался острыми гранями стакан с какой-то синей эссенцией.

– Чувствую себя ужасно, – прорвался хриплый голос Роба через иссохшее горло.

– Я принесла лекарство, – Эйла, неизменно от ситуации, источала мягкость и заботу, тонкие фигуры ее лица было пропитаны учтивой любезностью, что, бывало, по необъяснимой причине, крайне раздражало Матти.

– Спасибо... – прохрипел он. – Какого черта я спал в капсуле? Не в курсе?

– Тебя принес Уитс, положил в игровой и удалился в неизвестном направлении... Я пыталась тебя убедить перейти в спальню, но ты на отрез отказался, сказал, что у тебя срочные дела, а, после, подал заявку на новый сеанс и отключился прямо в модуле погружения. Я решила тебя не трогать.

– Понятненько... – протянул Роб, поглядывая на сменявшиеся цифры обратного отчета на экране. Он спрыгнул с капсулы, взял стакан с подноса и враз осушил его.

– У-ух! Бодрит! – пропел Матти потягиваясь, мгновенно ощутив прилив сил. Он посмотрел на Эйлу, потом на секунды таймера, после вновь на девушку, и произнес, многозначительно вильнув бровью.

– Вот, если ты сейчас мне предложишь пройти в спальню, я сопротивляться не буду...

Эйла улыбнулась, взяла его за руку и, вместе встав в центр круга, они скрылись в дверном проеме.

Роб стоял перед бассейном. По застывшей водной глади расплзлось искаженное видео-изображение города с экрана, расположенного вдоль стены. Не смотря, на то, что это был формат видео, – картинка была статичной. Не было людей и транспорта на улицах, птиц и облаков в синем небе, лишь плоские, затейливые фигуры зданий шли стройными рядами один за другим.

Матти разбежался и пронзил “рыбкой” воду. Поджав колени, он опустился камнем на дно. Вода давила на него приятной прохладой. Роб с наслаждением признал, что жуткий, всплывавший из темных глубин подсознания страх, покинул его. Он открыл глаза и несколько минут, пока не иссяк кислород в легких, смотрел сквозь толщу воды в какую-то невидимую точку в пространстве. После ухватился за борт, подтянулся на руках и долго сидел на краю, беззаботно бултыхая ногами воду. Ленную безмятежность прервал голос Эйлы, донесшийся откуда-то из динамиков.

– Роб, подошла твоя очередь игрового сеанса. Тебя просят лечь в модуль погружения для запуска подготовительных процессов.

– Да. Уже иду, – отозвался Матти.

Он глубоко вдохнул и протяжно выдохнул. Подошел к двери, произнес:

– Игровая.

Одишо. Около 3 тысяч лет до н. э.

На отвердевшей, изголодавшейся по дождю земле протяженного, покатога склона высокого холма, растянулись в несколько рядов скромные, прямоугольные, одноэтажные постройки из глиняного кирпича. Группа мелких поселений, всего две недели назад провозгласившая себя автономным городом-государством Южной Месопотамии, сегодня утонула в крови. Большая часть домов была разрушена и сожжена. Дым от еще недогоревших строений растекался едким облаком по уставшему от жары, холмистому склону, сплошь покрытому коркой из песка и каменными валунами. Лишь изредка прорисовывались кустарники и истощенные деревца, с куцей, пожелтевшей, ссохшейся листвой, будто одинокие волосинки на плохо выбритом лице. В голубом ясном небе переливался желтый диск солнца, безжалостно устилавший всю местность палящим зноем.

У одного из домов с давно растрескавшейся известняковой облицовкой, под навесом, сооруженным на скорую руку из сухих веток и грязных тряпок, некоторые из которых были пропитаны свежей кровью, собралась группа людей.

По центру, в деревянной повозке восседала важная персона. Это был жрец по имени Шиму. По его бледному, (на фоне практически черной кожи слуг), пухлому лицу струился пот, который он регулярно, лихорадочными, нервными движениями смахивал некогда белым, войлочным платком. Его пестрое одеяние из экзотической в этих местах льняной ткани было усыпано пиктограммами, вышитыми позолоченными нитками. На голове красовался высокий кожаный колпак с золотыми вкраплениями в виде завивавшихся в спираль узоров. Толстое, сальное тело, до пят укрытое тонким плащом, с двух сторон обдували опахалом слуги, из одежды на которых имелась лишь шерстяная схенти, свисавшая чуть ниже колен.

По периметру хлипкого навеса, с трудом сдерживавшего натиск обжигавших летних лучей, выстроились воины в шерстяных, бежевых набедренниках и медных, яйцеобразных шлемах с открытым лицом. Крест-накрест, через плечи была надета кожаная перевязь, скрепленная большой, переливавшейся бликами бляхой. Каждый держал в руке длинное копье, и, высотой по грудь, – деревянный прямоугольный щит с металлическими набойками.

– Нет. Этот рахитный какой-то, – безэмоциональным, притомившимся тоном, будто оценивая овец, произнес сидевший в повозке жрец Шиму, обращаясь к своим помощникам.

Перед группой, расположившейся под навесом, выстроились в несколько рядов измученные жарой и побоями, хмурые лица будущих рабов. Солдаты по одному выводили разгромленных, плененных сегодня утром воинов на показ жрецу. Многие из них были серьезно ранены и с трудом держались на ногах.

– Давайте следующего, – басистым, строгим голосом распорядился командир отряда. Двое солдат с двух сторон взяли под руки крупного, широкоплечего молодого человека и вывели его вперед, остановившись в нескольких метрах от надменной, круглой рожи жреца. На груди покоренного, крепко скроенного воина, виднелся длинный кровотокающий порез.

– Этот хорош, – оживился жрец Шиму. – Уту, как думаешь, не сдохнет он по дороге? – обратился Шиму к командиру отряда, указывая на грудь пленника.

– Скорее ты сдохнешь, жаба урукская! – со злостью, сквозь зубы пробормотал военнопленный. Мощный удар древком копья по затылку сбил его с ног. Солдаты принялись было колотить его дальше, но их остановила поднятая вверх ладонь и возглас жреца:

– Довольно! За свое словоблудие и темные деяния он скоро ответит перед богами.

Пленника подняли и Шиму спросил у него:

– Как зовут тебя, изменник?

Молодой воин, горделиво приподняв поросший густой, черной бородой подбородок, молча, с презрением во взгляде, уставился на жреца. Несмотря на кровавые потеки на лице от только что нанесенных ударов, всем своим видом он выражал невозмутимость и спокойствие. Черты его лица были довольно грубыми, словно высеченные топором; вытянутый, заостренный нос с широкими ноздрями, угловатые, выраженные скулы и широкий покаты́й лоб, из-под которого блестели смелостью сощуренные карие глаза.

Шиму многозначительно взглянул на командира Уту и тот обратился к пленнику, с угрожающим весом в голосе:

– Если тебе задают вопрос, и ты не отвечаешь, – я срубая башку твоему брату. Любому, на свой выбор. Договорились? – в конце речи левая часть губы командира потянулась в злоградской, хищной улыбке.

– Одишо, – с тем же невозмутимым, каменным выражением лица произнес плененный воин.

– Ты молод и дерзок, Одишо, – задумчиво промолвил Шиму. – Уту, что-то можешь сказать за него? Каков он был в бою?

Командир выдвинулся вперед, поближе к жрецу и отрапортовал:

– Этот сукин сын с десятком воинов до последнего не хотел сдаваться. Не мало наших перебили. Скрывались в той укрепленной пещере на возвышенности. – Уту указал пальцем на догорающие останки оборонительных строений. – Пришлось выкуривать собак.

– Отлично. – остался доволен услышанным жрец. – Он нам подходит. Веди остальных из его отряда.

– В живых осталось только трое, – сообщил командир. Он повернулся к солдатам и жестом приказал привести пленников.

Тяжелая, усталая поступь человека и мула, раз за разом, вздымала в воздух крупинки песка и прочей пыли, клубы из которых перемешиваясь, завивались в единое, курчавое, грязное облако, медленно таявшее далеко позади протяженной колонны из людей и повозок. По узкой грунтовой дороге, вдоль долины реки Евфрат, веретеницей вытянулись группы рабов и солдат. Впереди шел отряд солдат-копьемосцев человек из пятидесяти. За ними, друг за другом тянулись несколько повозок, в одной из которых сотрясало от дорожных ухабов потное, грузное тело жреца Шиму. За повозками шли слуги и связанные парами между собой, – новоиспеченные рабы, в сопровождении военного конвоя.

Одишо шел в двойке со своим прихрамывающим соплеменником. Они находились в пути уже шестой день. С каждым новым рассветом людей из его племени становилось все меньше. Изнуряющая жара, травмы, полученные в бою, голод и жажда оставляли в живых только самых выносливых из них. За те несколько часов в сутки, отведенных на сон, организм не успевал восстанавливать силы.

– Я больше не могу так, – прохрипел Адур, шедший в паре с Одишо. – Сейчас упаду и пусть меня забьют до смерти.

– Даже не думай. Сдаваться нельзя, – тихо, сквозь сбившееся дыхание, произнес не менее уставший, но все же сохранивший искру надежды, Одишо.

– Нас все равно ведут как скот на убой, – продолжил сеять отчаяние Адур. – Не хочу до конца жизни впахивать на этих тварей.

Он огляделся. По левую сторону уже давно тянулась манящая приятной прохладой, река Евфрат. Ее широкое извилистое русло простиралось до самого горизонта. Водная поверхность отражала жаркие солнечные лучи, которые устремлялись ко взору смотрящего ослеплявшими бликами. Изредка, вдоль берега, разрозненными скоплениями теснились кустарники и

финиковые пальмы. По правой стороне возвышался покатый склон каменистого плато. Между каменных гряд, в геройских потугах украсить скупой пейзаж, проглядывала желто-зеленая трава.

– Ты понимаешь где мы? – обратился Адур к напарнику.

– Да. Судя по всему, нас ведут в Урук, – ответил Одишо. – Еще давно, мальчишкой, я видел его издали. Помню высокие, нескончаемые стены...

– Сидят там за стенами... Крысы трусливые, – в гневе перебил его друг.

Один из солдат, состоящих в конвое, услышав отголоски разговора, громко выругался на пленных, недвусмысленно обозначив, что это первое и последнее предупреждение. В следующее мгновение он упал и задергался, хрипя и захлебываясь кровью. Из шеи его торчала насквозь пробившая ее стрела.

Солдаты как подкошенные начали валиться от сыплющих градом с каменистой возвышенности стрел, одна из которых, просвистела прямо над головой Одишо. Началась паника и давка. Некоторые из состава конвоя, спасаясь от смертельного обстрела, стали прикрываться пленными. Командир Уту, шествующий с крупным отрядом впереди повозок, обернувшись назад, яростно закричал:

– Всем вернуться в строй! Сомкнуть щиты!

Услышав грозный рык командира, смятенная толпа тут же вспомнила, что в недалеком прошлом они являлись бесстрашными воинами, и выстроились в ряд, соединив один к другому, деревянные щиты; каждая последующая шеренга позади выставляла щиты под тупым углом, практически горизонтально, поверх первого яруса, образуя такими образом непробиваемый заслон. Стрелы вонзались в мобильное укрепление, безуспешно пытаясь проскользнуть в узкие щели между рядов.

Одишо и Адур успели спрятаться за спинами солдат заднего ряда. Большинство пленников сообразили не так быстро, – они были либо уже убиты, либо еще извивались на горячем песке, исторгая предсмертные стоны.

Из повозок, крыша которых была словно спина дикобраза покрыта колючками-стрелами, доносились ругательства вперемешку с завываниями и стенаниями. Мулы, тянувшие колесницы, бездыханно лежали, сраженные безжалостным лучником. Жрец Шиму прыгнул в противоположную от обстрела сторону и приказал слугам защищать его своими телами. Некоторые из его прислужников, уже лишённые жизни, теперь являлись мягкой оградившей прослойкой, поглощающей стрелы.

– Стоим! Ждем! Стрелы у них не бесконечны! – возвысился твердый голос командира Уту над общим гулом.

Стрельба утихла. Солдаты замерли, поглядывая в узкие щелки меж досок. Руки тех, кто держал щиты кверху, укрывая ими головы, с каждой секундой затекали все сильнее, но нежелание быть пораженным стрелой, перевешивало нестерпимую боль в мышцах.

На вершине холма время от времени мелькали темные бородатые лица нападавших, перекрикивающихся между собой. В какой-то момент их возгласы слились в один шумный, нечленораздельный, нарастающий гомон. Вслед за звуковой волной из громогласных воплей, скатившейся со склона, – сверху, по нескольким пологим ложбинам в холме, побежали толпы разгоряченных воинов, вооруженных топорами и булавами.

– Второй, третий ряды – приготовиться принимать! – вскрикнул Уту.

Шеренги, расположенные позади, взяли копьё на изготовку, просунув их наконечники между щитов первого ряда. На эти отлаженные движения ушло всего несколько секунд. Когда атаковавшие воины, с яростными криками бросились на деревянный забор из щитов, солдаты из второго и третьего ряда выдвинули копьё вперед, сразив колющими ударами самых отчаянных головорезов. Несколько групп из нападавших обошли оборонявшихся с флангов и с оса-

танельми лицами принялись рушить их строй, окрашивая всех на пути в красное нещадными ударами топора и дубины.

Взор Одишо обратился на блеснувший кинжал, свисавший с пояса одного из урукских солдат, сраженного стрелой. Он красноречиво переглянулся с Адуром. Ползком подобравшись к трупам, они разрезали клинком веревки. Освободившись от пут, они осмотрелись. Количество оборонявшихся значительно поубавилось, солдаты встали кругом, спиной друг к другу, пресекая вражеские попытки разрушить остатки строя. Нападавших тоже изрядно потрепали, они потеряли в двое больше бойцов в этой драке и отступили обратно к возвышенности, откуда со свистящим шипением пронзая воздух, вновь посыпались стрелы. Некоторые из них, пущенные нетвердой рукой и неопытным глазом, добивали своих же раненных, или не успевших ретироваться воинов. Все происходящее сопровождалось агоническими, надрывными выкриками, потоком отборной ругани и командами охрипшего, но все еще пытавшегося сохранить контроль над ситуацией командира Уту.

Одишо с Адуром, недолго думая, пригнувшись к земле, ринулись к горстке уцелевших плененных собратьев. Спасаясь от обстрела, те распластались на песке, прячась за иссохшим придорожным кустом. Быстро перерезав стеснявшую их движения веревку, Одишо воскликнул:

– Кто хочет жить, – бежим к реке!

Рванув к берегу, они тут же услышали гневный возглас жреца Шиму, заметившего побег; он призвал нескольких солдат из конвоя пуститься в погоню.

С жадным храпом забирая воздух в легкие, пленники вложили в забег все свои силы, которых, как им казалось минутой ранее, уже совсем не осталось.

– Как добежим, сразу прыгаем в воду, – задыхаясь, с надрывом прокричал Одишо, – Гребем на ту сторону!

Когда до реки оставалось подать рукой, Адур на полном ходу потеряв равновесие, подпрыгнул и упал ничком. По инерции пропахав животом еще несколько метров, он замер в бездыханном молчании; в спине его виднелся вонзившийся по рукоять, метко брошенный преследователем топор. Пленники обернулись, за ними бежали пятеро конвоиров, с копьями и топорами в руках. Одишо вынул топор из спины друга и практически не целясь, казалось, небрежным движением, метнул его обратно, прямо в лоб бегущему навстречу солдату. Воин рухнул замертво, опрокинувшись навзничь. В следующее мгновение в беглецов полетели копьа, сразив четверых из них наповал.

– Бей их! – крикнул Одишо соплеменникам, каким-то не своим, остервенелым голосом. Вырвав за древко копьа, застрявшее в сраженном собрате, он, ловко увернувшись от взмаха лезвия топора, вонзил острие под нижнюю челюсть налетевшего на него урукского солдата, приподнял его вверх, как рыбу на крючке, и сбросил безжизненное тело на песок. Размахивая копьа перед тремя, окружавшими его солдатами, он буквально зарычал, как загнанный в тупик, оскалившийся зверь. На миг обернувшись назад, в поисках помощи, Одишо увидел соплеменников, сидящих на коленях, в трусливой покорности сложивших руки на поникшие головы. Один из воинов, воспользовавшись его коротким замешательством, крепко ухватился за рукоять копьа.

– Он мне живой нужен! – послышался запыхавшийся, дребезжащий голос, бегущего к ним жреца Шиму.

Одишо хотел было вырвать копьа обратно, но тут же упал лишенный сознания от сокрушительного удара в челюсть кулаком, прилетевшего от бойца, незаметно обошедшего его с фланга.

Вдоль берега реки Евфрат возвышалась массивная стена с боевыми площадками. Миллионы сырцовых кирпичей, сложенных один к другому, протянулись на сотни метров по обе стороны от центральных ворот города Урук. На противоположной стороне реки, в противовес отточенной, симметричной архитектуре городских сооружений, располагались вразнобой нескладные домишки, со стенами из облупившегося, истрескавшегося кирпича, укрытыми ветхими тростниковыми крышами. Перед мостом, ведущим в город, нестройными рядами стояли собранные на скорую руку кривые торговые палатки. Множество разнокалиберных голосов зазывал, продавцов и покупателей сплелись в рыночный шум, в котором увязал всякий случайный прохожий. Повсюду сновали рабы, сгорбленные от тяжелой ноши, с забитыми под завязку тюками шерсти, глиняной утварью, всевозможными побрякушками из дерева и слоновой кости, радужных самоцветов и меди.

По узкой дороге, между хаотичного нагромождения торговых шатров, медленно двигался измученный жаркими солнечными лучами, отсутствием сна и боевыми ранениями, – изможденный отряд под предводительством Уту, который несмотря на перевязанную голову засаленной грязной тряпкой с запекшимися на ней кровавыми пятнами, сохранил крепкую уверенную поступь командира. За спиной Уту ковыляли и прихрамывали девятнадцать солдат, оказавшихся проворнее своих врагов. Следом, с трудом переставляя ноги, напрягая окаменевшие жилы на исхудающих, опаленных солнцем телах, тянули новоиспеченные рабы две оставшиеся от каравана повозки. Среди плененных братьев Одишо, его самого не наблюдалось. В первой четырехколесной телеге под навесом из тканей, окруженный тремя слугами с опахалами, проминал своим тучным телом скрипучую скамейку жрец Шиму, полный тягостных мыслей о том, за что такое суровое испытание могли уготовить ему боги.

Во второй повозке, посреди уже практически истощившихся запасов воды и еды, веревок, кусков какой-то одежды, подобранной с места битвы амуниции, оружия и двух раненых солдат, – лежал связанный, скрюченный Одишо. На его мускулистом теле повсюду проступали ссадины, кровоподтеки и гематомы. Несколько пальцев на руках были искривлены переломами. При этом, во взгляде молодого воина не читалось обреченной страдальческой боли, напротив, – глаза его выражали непоколебимую стойкость и презрение к бессильным действиям всех тех, кто пытался согнуть его цельнометаллический дух. С детства Одишо учили быть мужчиной, бесстрашным воином, и он почтил эти науки и не знал иного пути кроме как достойно в бою принять смерть, если единственным вариантом спасения будет позорное, рабское смирение. Всю сознательную жизнь он либо готовился к драке, либо дрался. Когда попытка побега провалилась и его с остальными пленниками попытались запрячь вместо убитых животных в повозку, он, разочарованный трусостью своих братьев, потерявший надежду на спасение, отказался от повинования и упрямо стоял не шелохнувшись, пока разительные, пронзавшие болью удары дубиной не лишили его такой возможности. Шиму вновь настоял на том, чтобы сохранить Одишо жизнь. Сейчас, лежа в повозке, пленник размышлял, чем приглянулся он жрецу, и все больше убеждался в домыслах, что руководствовался спаситель явно неблагими намерениями, что ожидает его впереди крайне мучительное бремя.

Выбравшись из плотных рядов покосившихся торговых шатров и мелких палаток, испятнанный кровью обессиливший отряд, под пристальным взглядом зевак, уже живописавших мысленно новую сплетню, перебрался по тесному для двух встречных повозок мосту на сторону укрепленного города и скрылся через центральную арку в каменных лабиринтах Урука.

Каждый ухаб отдавал жгучим покалыванием во всем теле, но Одишо, успев привыкнуть к боли, не обращал внимания на дорожную тряску.

Телега остановилась. Снаружи зашумели голоса.

– Шиму! Почему так долго?! Что случилось? Верховный уже хотел посылать за вами людей.

– Чертовы мар-ту устроили засаду в полднях пути ниже по реке, – вмешался в разговор командир Уту. – Еле отбились.

– Опять?! Зачастили эти собаки на наши земли захаживать.

– Ну, пока что все их попытки закончились провалом, – в голосе командира прорезалось самодовольное злорадство. – Всем, не успевшим сбежать лучникам, я лично перерезал глотки.

– Но и ваша миссия провалилась. Церемония уже завтра! А у нас нету подходящих людей...

– Не все так плохо, – зазвенел жрец Шиму. – Есть несколько кандидатур.

– Кто? Эти полудохлые скелеты?

– Отряхнем, отмоем, накормим и будут как новенькие... Пошли уже.

Началась какая-то возня. Что-то зашуршало, кто-то закричал от удара. Кусок пыльной ткани, покрывавший повозку, откинулся и сквозь образовавшийся проем прорвавшийся внутрь луч света ослепил ненароком Одишо. Он ничего не видел, только почувствовал, как его тащат наружу, ухватив под мышки. Когда зрение немного прояснилось и пленник, прищурив глаз, смог осмотреться, – он изумленно воззрился вверх, на исполинскую гору, у подножия которой расположилась вся группа. Рассматривая это невероятное каменное образование, лишь малой частью умещавшееся в его поле обзора, он с каждой секундой, убеждаясь все больше в искусственности его происхождения, – погружался в состояние когнитивного диссонанса; Одишо был уверен, что есть предел человеческому могуществу, влиянию на окружающий мир, и упиралось все в его сознании в узкие водные каналы, дома с соломенными крышами, может быть в огромный, каменный забор с башнями, но возводить среди равнины горы, – есть юрисдикция богов. Сейчас он вспоминал рассказы об этом магическом сооружении, которые всегда принимал за глупые, раздутые сплетни, ведь ничего подобного Одишо и вообразить не мог.

Шиму улыбнулся, распознав в метавшемся взоре и в застывшем выражении лица Одишо, – ошеломленное смятение, и поднял палец вверх, жестом призывая обступивших его солдат повременить с ударом по подколенной ямке.

Так удивил плененного воина зиккурат, – монументальное, пятиярусное, ступенчатое строение, высотой более тридцати метров. Воздвигнутый на высокой платформе, опоясанный широкими лестницами, десятком тысяч ступеней стремящимися вверх. Этот величественный храм являлся гордостью жителей Урука. В самом верху, на площадке, находилась кирпичная надстройка, – главное место храма, его святилище. Оттуда и спустился жрец Лугамеа, равный Шиму по сану. Он стоял на желтых, массивных ступенях центральной лестницы, разукрашенных загадочными иероглифами, одетый в позолоченное, скрывавшее тело до пят одеяние.

Рядом с Одишо, в окружении солдат, стояли на коленях еще двое плененных воинов из незнакомого ему племени. Судя по многочисленным побоям на лице и теле, они тоже до последнего сопротивлялись неволе. Своих братьев он здесь не обнаружил. Один из урукских солдат ударил Одишо сзади по ноге, и он припал на колено.

– Довольно! Разместите их в комнате слуг, отмойте, почините, приведите в порядок! – строго scomандовал жрец Лугамеа. – И тебе советую заняться тем же самым, – уже смягчив тон, обратился он к Шиму. – К полудню верховный ждет нас обоих обсудить нюансы завтрашнего празднования. Права на ошибку нет. Все должно пройти идеально.

В большом колонном зале, пестрящем радужными мозаичными орнаментами и пиктограммами, в легком мареве медных тлеющих арома чаш, питавших воздух карамельным оттен-

ком, слышалось сладкозвучное, умиротворяющее дребезжание струны. На скамейке из ивы, словно пародируя величественное растение, некогда хранившее тень под раскидистыми, прогнувшимися под весом пышной шевелюры ветвями, восседала совсем юная девушка, склонив свою голову в творческом напряжении, скрывая лицо и плечи посреди множества длинных косичек, с вплетенными в них позолоченными нитями. Изящные тонкие пальцы ее, с ловкостью паука, плетущего паутину, перебирали струны арфы, заполняя пространство ритмичным брэнчанием.

На ступенчатом возвышении в глубокой нише каменной стены, грузный медный трон протирал филейной частью тела верховный жрец Бабаму, чье слово было главным вершителем судеб жителей Урука. На гладко выбритой голове круглолицего властителя сверкала высокая коническая тиара из золота, изобилующая драгоценными камнями. Лицо его излучало холодное, надменное превосходство.

По правую сторону от Бабаму разместился на медном троне, масштабом чуть поскромнее, военный предводитель Гильгамеш. Обозначая важный чин, на круглой кожаной шапке его переливался золотом околыш, из-под которого свисали густые, черные пряди волос, плавно перетекая в не менее черную длинную бороду. Суровый взор предводителя был устремлен к молодоженам, восседающим на противоположной стороне зала. Жених, – сын Гильгамеша, с довольным, полным восторженного трепета лицом, размышлял о взрослой жизни, о том, что ожидает его дорога полная великих кровавых деяний. Невеста же, напротив, имела взгляд притушенный, поникший, при том выдерживая гордую осанку, время от времени припадала губами к соломенной трубке, ведущей к пивному кувшину.

Вдоль стены, у большой костровой чаши, выстроились гости, хмель в крови которых заставлял тела колыхаться в такт звучащей мелодии. Их выглаженный, важный лик не вызывал сомнений, – все имеют статус высшего сословия. С обратной стороны чаши, перед гостями извивались в танце, в белых льняных тканях, укрывавших лишь ноги, обнаженные по пояс смуглые молодые девушки, увешанные яркими бусами из разноцветных камней.

Шиму и Лугамеа, на стульях не столь броских, расположились по левую сторону от трона Бабаму. В лицах приближенных помощников верховного жреца читалось напряженное беспокойство. Лугамеа, очертив ладонью круг в воздухе, указал остальным, что пора начинать. Музыка стихла. Танцовщицы бесшумно скрылись в тених высоких колонн. Шиму выдвинувшись вперед, громко, торжественно объявил:

– Богиня Инанна приготовила нам подарок!

Из сумрака межкомнатных коридоров, в сопровождении конвоя, в помещении проявились силуэты трех пленников, одним из которых был Одишо. Ему, как и двум соратникам по несчастью, обработали и перевязали раны, вправили кости на пальцах, замазали ссадины и синяки, нарядили в золотистые набедренники. Толчками руки в спину их направили в центр зала.

Гости замерли в немом предвкушении.

Шиму подошел к пленникам и протянул на выбор три тростинки, плотно зажатые в ладони.

– Сегодня вам выпала великая честь! – придавая церемониальным выражением голоса веса сказанному слову, начал речь Лугамеа, обращаясь к невольным воинам. – Чтобы выразить свою благосклонность к молодоженам, Инанна окажет милость и подарит одному из вас прощение и свободу. Она выберет самого достойного. Тяните жребий!

Шиму по-прежнему стоял, вытянув руку с тростинками, предлагая сделать выбор. Одишо, понимая к чему клонит жрец, впервые внимательно осмотрел двоих, теперь уже соперников. Оба они были, как и сам Одишо, значительно выше среднего роста. Широкоплечие, с рельефной мускулатурой; по предварительным оценкам, по сбитым кулакам и немалому количеству боевых шрамов, – они являлись опытными бойцами. Один из них, тот, что был

постарше, первым вынул тростинку из руки жреца. Следом потянулся второй воин, но Шиму отвел руку в сторону и сказал, раскрыв содержимое ладони:

– Нет необходимости. Он уже вытащил длинную. – окинув взором всех трех участников, жрец продолжил, поочередно указав на Одишо и второго, не успевшего сделать выбор соперника: – Вы начинаете. Победитель сразится с ним. – Шиму направил указательный палец на обладателя длинной тростинки. – Правил никаких. Бой до смерти одного из претендентов.

Танцовщицы поставили перед собой барабаны и принялись методично отчеканивать нарастающий, нагнетающий обстановку бит. Все присутствующие сосредоточили взгляды на невольных участниках состязания. Конвоиры выстроились вокруг двух бойцов, остальные удалились из центра.

– Назовите свои имена! – приказным тоном воскликнул жрец Шиму.

Пленники после секунды раздумий, поочередно, небрежно представились.

– Одишо.

– Цилла.

– Возможно, один из вас сегодня станет свободным и чистым от грехов! Да начнется бой! – громогласно, с расстановкой, призвал Шиму бойцов начать поединок.

Одишо услышав слово – “свобода”, решил подчиниться правилам урукских жрецов, точнее, их отсутствию. Не теряя времени, он первым атаковал соперника, махнув своей тяжелой клешней, но тот, проявив ловкость кошки, извернулся и ушел в сторону, отправив кулаки Одишо беспомощно рассекать воздушное пространство. Цилла, зайдя с боку, ухватил Одишо за пояс, приподнял и бросил на холодный каменный пол колонного зала, следом прыгнув на него, пытаясь нанести сокрушительные удары по голове. Одишо, извиваясь как змея, с переменным успехом уклонялся от кулаков противника, выгадывая момент, чтобы вывернуться и выбраться из неудобного положения.

– Стойте! – вдруг звонко вскрикнула вбежавшая в помещение девушка с развевавшимися, длинными рыжими волосами. Она была одета в белую тунику с вышитой пиктограммой, обозначающую прислугу храма. Не дожидаясь, пока оторопевшие от подобной дерзости жрецы завопят, – как смеет она без разрешения подавать голос и мешать торжественному, священному процессу, девушка что-то нажала на наручном устройстве, серебристым ремешком опоясывавшим запястье, и посреди зала, под потолком возник силуэт большой полупрозрачной бабочки, переливающейся радужными цветами. Медленно и грациозно порхая крыльями, усыпанными ветвистыми узорами, она опустилась чуть ниже, издавая при каждом взмахе тихое, шипящее постукивание, и зависла в трех метрах от пола, собрав на себе пристальные взоры оцепеневших участников праздничного события.

Цилла ослабил хватку, удерживающую Одишо на полу, и как все прочие, устремил взгляд вверх, к бабочке, замерев в полуприсяде, упершись на одно опущенное колено. Одишо тоже завис, он подложил руку за голову, и обездвиженный, лежа на спине, растворился сознанием в магическом объекте.

Девушка с рыжими волосами прошла в центр, мимо солдат конвоя, теперь больше похожих на восковые фигуры. Присела у головы зачарованного фосфоресцирующим насекомым Одишо, вставила какие-то крохотные устройства ему в уши, и произнесла тихим голосом на непонятном языке.

– *Пай элкерси ситром.* – она взглянула Одишо в глаза, постепенно возвращавших блеск разума и добавила уже на местном языке, с заметным, неизвестного происхождения акцентом: – Еле успела. Долго мы тебя искали... Ты здесь? Слышишь меня?

Воин растерянно уставился на рыжую девушку и с недоумением в лице спросил:

– Я умер?

Губы девушки растянулись в улыбке, обнажив идеально ровные, белые зубы.

– Еще нет, но скоро случится. У нас есть немного времени. Слушай и запоминай. Когда очнешься, – не подавай виду, что был этот разговор, иначе тебя убьют. Кивни если понимаешь.

Одишо кивнул и, пытаясь найти ответы для происходящего, задал новый вопрос:

– Ты богиня?

Загадочная рыжеволосая служанка прыснула со смеху, но быстро сдержав веселый порыв, сказала серьезным тоном:

– На объяснения времени нет. Твоя задача сейчас только одна – запоминать. Ты это вспомнишь, когда очнешься. Ты должен вспомнить, кто ты на самом деле! – Девушка достала из-под одежды небольшой, черный ромбовидный предмет с выгравированной на нем пиктограммой, болтавшийся на цепочке, и поднесла к лицу обескураженного воина.

– Вдыхай аромат его. Это запах вечности, – прошептала она. – *Ку инар шакиши*, – вновь заговорила незнакомка на странном языке.

Одишо будто провалился в сон. Рваные образы, быстро сменявшиеся и ускользавшие из сознания. Разговор с кем-то, обрывки слов, чья-то приглушенная, монотонная, неразборчивая речь на заднем фоне. Все шумело в его голове и расплывалось. Вот он во мраке стоит перед зеркалом и смотрит на себя обнаженного. На груди его, на серебряной цепочке висит тот же ромбовидный предмет, что показала ему рыжеволосая девушка. Через мгновение он проходит через дверной проем пустой, белой комнаты и оказывается в открытом космосе, кружась в невесомости, окруженный мириадами звезд и бесконечной ночью. Внезапно сон прекратился, видения исчезли и Одишо вернулся в колонный зал. Он по-прежнему лежал на спине, не имея сил подняться. Девушка сидела рядом, поджав колени.

– Я ничего не понимаю, – отрешенно пробормотал Одишо, глядя в потолок сквозь крыло насекомого. – Что это за огромная бабочка? Как все это вообще возможно?

– Поймешь потом, – сказала девушка и, улыбнувшись, добавила: – Бабочка всего лишь голограмма для отвлечения внимания, суть в звуке, он погружает в транс. Никто вокруг не вспомнит этих событий.

– Так кто ты такая? – спросил Одишо, ничего не поняв из выше сказанного.

– У меня было много имен, но то, что можешь вспомнить ты, когда очнешься, – Ирена.

– Очнусь от чего?

– Время пришло. Нельзя сильно отклоняться от графика, они могут заметить... Прости, ты потом все поймешь. Эту драку ты проиграл бы в любом случае. Время смерти, друг мой, – сказала Ирена и вонзила кинжал в шею находящегося в шоке Одишо. Хрипя и захлебываясь кровью, он попытался дотянуться ослабевшей рукой до шеи девушки, но последние силы резко покинули его, и он затих, прекратив дыхание.

Ирена мельком оглянулась, – на всякий случай убедиться, что все по-прежнему стоят не шелохнувшись. После она вскочила на ноги, бросила окровавленный кинжал на пол, рядом с безжизненным телом Одишо и быстрым шагом удалилась, растворившись в темных коридорах храма. Бабочка растаяла в воздухе, и все собравшиеся в зале неспешно зашевелились, подавая признаки жизни. Взгляды их озадаченно и тревожно бродили по пространству помещения, пока не остановились в направлении убитого Одишо.

Окаменевшую тишину нарушил жрец Шиму:

– Кто бросил Цилле кинжал?

В ответ все та же гробовая тишина.

Вмешался Лугамеа.

– Цилла, кто дал тебе кинжал?

Вновь недоуменное молчание. Цилла развел руками, уткнувшись потупившимся взглядом в окровавленный клинок.

– Довольно! Это неважно. Значит на то воля Инанны! – раздраженно заявил верховный жрец, как и остальные находившийся в смятенном хаосе. – Приступим к финальному поединку!

Солдаты погрузили тело Одишо на деревянные носилки и скрылись с ним в потаенных, мрачных комнатах зиккурата.

Игра в прятки.

– Все показатели в норме. Отключаю систему, – прозвучал в голове Одишо приглушенный, словно донесшийся из глубин горной пещеры, голос Эйлы.

Включилось какое-то устройство, издав назойливый, писклявый шум.

Над головой блекло моргал синим светом, казавшийся уже знакомым Одишо, полупрозрачный куб. В сознании его проявлялись короткие вспышки воспоминаний, указывавших на связь с этим местом. Тусклый свет. Размытые в сумраке силуэты странных фигур окружавшей обстановки. Учащенное дыхание приходило в норму. Он никак не мог определиться, вниз он смотрит или вверх. Гравитация не ощущалась. Одишо попытался пошевелить пальцами ног, но понял, что абсолютно не чувствует свои конечности, словно его отделили от тела.

– Через пять минут память и чувства восстановятся, – послышался привычно заботливый голос Эйлы.

Кубический объект, левитирующий перед глазами Одишо, прожужжал несколько раз как юла и скрылся из виду. Одишо стал отдаленно, некоторыми участками ощущать свое тело, будто находясь в наркозном опьянении. В голове все путалось, песчаное плато, толстая морда жреца, драка, рыжая девушка... “Это все было со мной?”

– Процесс восстановления завершен. Добро пожаловать домой, Роб. – когда прозвучала эта фраза, он уже не сомневался, что слышал ее ранее.

Память восстановилась в мгновение ока. Роб Матти пошевелил пальцами рук и ног, убедившись, что тело вновь ему подчиняется. Он первым делом принялся ощупывать шею в поисках раны.

– Как же все это странно... – пробормотал он себе под нос.

Матти сел, спустив ноги с модуля погружения и осмотрелся. Пустая, холодная тишина игровой комнаты, погруженной в полумрак, в миг пробудила в нем тревожные нотки, звонкое эхо которых всплывало откуда-то из глубин души.

– Свет на максимум! – скомандовал Роб, тут же прищурившись от обильного, объемного освещения комнаты.

Все стояло на своих местах. На столешнице манил свежестью все тот же граненный стакан с энергетическим, фруктовым напитком.

Матти сосредоточенно воззрится в стену-экран, по центру которого неизменно вращалась вокруг своей оси планета Земля. В углу, на видеоизображении имелся текст:

Проект: Земной мир.

Год смерти: 2764 год до н. э. Сеанс окончен насильственной смертью. Внутри игровое время: 21 год, 3 месяца, 12 дней, 1 час, 39 минут, 47 секунд.

– Запросить подробный отчет.

– Связаться с техподдержкой.

– Подать заявку на новый сеанс.

Внимание Роба сконцентрировалось на тексте “2764 год до н. э.”. Он пытался понять, что это означает, но так и не смог подобрать подходящих вариантов из головы.

– Эйла, привет! Как понимать “2764 год до н. э.”?

– Приветствую тебя, Роб, – откликнулся искин. – Это внутри игровое летоисчисление, которым пользуются персонажи планеты Земля.

– Я не помню, чтобы, находясь в игре, слышал подобные цифры. Моя, казавшаяся такой долгой жизнь там, пролетела за двадцать один год, а с предыдущей сессии прошло почти шесть тысяч лет игрового времени...

– Этой системой счисления будут пользоваться в будущем.

– В будущем... Я думал в игре все события случайны, – озадаченно сказал Матти, – И почему время идет в обратную сторону?

– Подробной информации по этой теме в моих архивах нету. – Эйла выждала время, чтобы понять, желает ли Роб продолжить беседу, и убедившись по его молчанию, что вопрос закрыт, сообщила:

– Ларом Уитс просил передать, что будет ждать тебя в игровом клубе “Войд”. Сказал, что у него важный разговор к тебе, и чтобы ты ни в коем случае не подавал заявку на новый сеанс, пока не поговоришь с ним.

– Интересно... Понял тебя. Спасибо. – Роб почему-то встревожился от необычной просьбы друга. Тут же всплыли в голове последние события, предшествовавшие смерти Одишо, пугавшие его своим аномальным содержанием. Непонятный диалог с рыжеволосой девушкой. Она знала, что он в игре? Ее загадочные предостережения... “Вспомни кто ты, когда очнешься”.

Может это часть игры? Или это такая проверка? Разработчики игры специально пропи-сали подобное в сюжете... Но зачем им меня проверять? Чтобы понять насколько я перед ними честен? Довольно странное поведение для создателей игры, пусть даже такого, невиданного масштаба... Снежным комом разрастались догадки в голове Матти.

– К тебе посетитель. – прервала Эйла мозговой штурм Роба. – Слим Барден.

– Скажи, что я пока что не готов к встрече. Мне нужно окунуться в бассейн. Я сам к нему наведаюсь позже.

– Уже сказала. Но, он утверждает, что сам куда-то торопится и не займет много времени. Матти потер ладошкой лоб. Недовольно прокряхтел.

– Ладно... Пусть подождет в гостиной. Я оденусь.

“Как же я сейчас не хочу с тобой разговаривать” – думал Роб Матти, взирая на белозубую улыбку Слима, как обычно, беспардонно, без предупреждений, заявившегося в гости. Они разместились в мягких кожаных креслах, формы яйца, левитирующих над глянцевой бежевой поверхностью пола в зале. По периметру круглых стен, за протянувшимися белыми арочными колоннами, шагом в полтора метра очертившими внутреннее пространство помещения, во всю их высоту транслировалась невероятно реалистичная видео картинка нежно-бирюзового неба, отражавшегося в спокойной, умиротворенно колышущейся водной поверхности, с зависшей над ней, узкой, прерывистой полосой разреженных облаков, белевших на горизонте. Казалось, будто этот гостинный зал находился в высокой башне с панорамным видом на бескрайнее море. Изредка в помещение залетал легкий теплый ветерок, нежно обволакивая кожу. На против усевшихся в кресла собеседников, над полом зависли два тонких черных стрелы метровой высоты, между которыми искрился огонь, с их ракурса казавшийся объемным, настоящим пламенем, разгоравшимся прямо в воздухе. Но, если встать и обойти его сбоку, – огонь превращался в плоскую видео-картинку.

Барден угостил Роба сигарой и на какое-то время они сосредоточили внимание на густом облаке дыма, медленно таявшем в потолке.

– Вижу второе “погружение” вы пережили гораздо легче, – рассматривая гладкую кожу лица Матти, проанализировал Слим Барден. – Я тороплюсь на собрание. У меня всего пара вопросов и я удалюсь. Как в общем? Что-то изменилось в вашем мнении о проекте?

Роб, надев беззаботную маску, пристально изучал гостя, – интонация голоса, прищур глаз, уголки губ, его хитрый, лисий блеск в глазах... Во всем он пытался уловить ответ для себя, – знает ли он о произошедшем? Но не нашел ничего в его виде, что отличалось бы от привычного. В слова рыжеволосой девушки о том, что его могут убить в случае разглашения их встречи, верилось с трудом, даже если это событие все же не являлось проверкой от создателей игры. Быть может это всего лишь шутка, “пасхалка” от веселого программиста... Но все же внутренний голос Матти советовал ему пока что молчать и наблюдать.

– Второй выход из сеанса действительно протекает менее болезненно, – заговорил Роб спокойно. – Я уже почти пришел в норму, – продолжил он лгать, в надежде быстрее избавиться от собеседника. Внезапно, по необъяснимой на данный момент причине, сердце его разогналось внутри, следом атаковали суматошные, беспокойные мысли, замешанные с какими-то невразумительными тревожностями. Они металась сейчас в голове, словно молекулы в болоне сжатого газа, звонко ударяясь о внутренние стенки сосуда. Роб с тревогой опасался, как бы этот звон не достиг ушей визитера. Быть может его снимут с проекта, скажут, что не годен, а ведь докопаться до истины, когда тайна так ощутимо коснулась разума, всегда желается особенно сильно. Чтобы сбросить дурное помрачение и выглядеть естественнее, Роб покрепче затянулся сигарой, так, чтобы раскашляться. После, подавляя приступы, он встал и отошел ближе к панорамному окну, вдыхая живительный свежий воздух.

Слим не проронил ни слова, он пристально и неподвижно, будто крокодил из-под толщи воды, наблюдал за Робом движением черных зениц.

Матти, избавившись от перхоты, решил озвучить ту часть размышлений, что была вне загадочного инцидента с Иреной.

– Люди в игре по-прежнему крайне жестоки... Как я выяснил, внутри игрового времени пролетела целая уйма с моего последнего сеанса. Наблюдается значительный прорыв в устройстве социума, в технологиях... При том, войну и убийства возвели в культ, и кровожадность многих персонажей приобрела до жути изощренные формы. И сам я был одним из них... Я убивал людей без капли сожаления, свято веруя в праведность своих деяний. За какие-то куски земли и жалкие домишки во мне, порой, просыпалось абсолютное зло... Вот! От воспоминаний пошли мурашки. – Роб вытянул руку, демонстрируя “гусиную кожу”. – Там называли таких как я, – воин. Убить врага в бою, – почетно и достойно уважения... Особо жутко становится от осознания того факта, сколь легко обмануть разум. Ведь там был никто иной как я, только в другом окружении... Как сильно характер, мораль, наш ум в целом строится на полученной информации. Можно поверить во что угодно и выбрать любую правду. Я и до этого проекта бывало задумывался на подобные темы...

Роб умолк, решив, что уже болтает лишнего. Вернулся в кресло. Взглянул в глаза Слиму.

– И вот какой вопрос мне интересен, – если в тело моего персонажа Одишо, загрузился бы иной игрок, его жизнь отличалась бы от моей?

Выражение лица Слима приняло свое излюбленное обличие, – добродушная улыбка в контрастном соседстве с хитрой расчетливостью, искрящей льдинками из глаз.

– Мы пока сами пытаемся это выяснить, – коротко ответил Барден.

– Но ведь в игре есть очевидная нерушимая структура. Тот же временной отчет, который определенно ведет к событию, которого еще не произошло. – Роб вопросительно уставился на собеседника. – Значит игрок никак не влияет на общую картину мира? Может не стоит тогда затирать память полностью? Оставить связь с реальностью?

Слим крепко о чем-то задумался, впервые потупив взор. Тихо пробурчал.

– Если бы все было так просто...

– Что?

– Игроков, т. е. тестеров, пока что немного, – Слим вернул себе прежний уверенный тон, – Потому их влияние на общую картину малоизучено. Есть лишь теоретический вектор развития будущего. Нам нужно больше сеансов, так что дерзайте. – Слим Барден выждал паузу, и, удостоверившись, что больше вопросов не осталось, встал с кресла.

– Мы ожидаем от вас детальный отчет, туда же можете вписать все идеи и пожелания относительно проекта. – сделав пару шагов в сторону выхода, он остановился. – Чуть не забыл. Мы хотели узнать про вашего друга Уитса... Вы что-то рассказывали ему о проекте “Земной мир”?

Расслабившийся было Роб, секундой ранее поймавший себя на мысли, что избавился от тревожного наваждения, вновь стал одной большой, пульсирующей мышцей. Мысли сбивались на фоне ускорившегося сердечного ритма в поисках объяснений услышанному. “Уитс все разболтал? Но зачем? Что он еще знает? Да нет, мой друг не мог он так поступить! Была ни была, просто буду отрицать до последнего...”

– Не-ет, – протяжно выдал Роб Матти, изобразив полнейшее недоумение. – А почему вы заговорили о нем? Что-то случилось?

– Да в целом ничего особенного. Он подал заявление на участие в роли тестера. Изучив его досье, нам показалось это странным, с учетом того, что ранее его подобные истории не интересовали.

– Я лишь говорил, что участвую в интересном проекте, не более... Он давно мне твердил, что хочет попробовать что-то новое, может созрел.

– Хорошо. Мы вам верим, но должны были уточнить у вас этот момент, так как вы являетесь близкими друзьями.

– Никаких подробностей я не рассказывал...

Слим поднял ладонь.

– Довольно. Этот вопрос был лишь необходимой формальностью. Мы знаем, что вы профессионал. Все равно мы вынуждены были ему отказать. Вы же помните, правила запрещают тестерам иметь контакт друг с другом. – Слим молча завис на несколько секунд, пристальным взором пронизывая Роба. После торопливо отчеканил: – Будем ждать отчет. До встречи.

Гость удалился, оставив Матти в тревожном хаосе раздумий. В центре лабиринта неразгаданных вопросов, самой заветной тайной, за неимением ни одной рабочей догадки хоть сколько-нибудь объяснявшей произошедшее, разве что кроме шутки программиста, сияло лицо рыжеволосой девушки.

– Ирена, – задумчиво проговорил в слух Роб, мысленно проигрывая ее образ из воспоминаний. Так, все больше погружаясь в бездонную пучину домыслов, каждый из которых разветвлялся на бесчисленное множество новых, он провел около получаса. Наконец, решив прервать поток ни к чему не приводящих теорий, Матти отправился освежиться в бассейн.

После длительного заплыва, смыв с себя тягостный груз подавленности, пришедшей вслед за волнением и, непонятно откуда прилипшей печали, Роб прибыл в гардеробную. Еще хранившаяся в теле прохлада воды и предвкушение скорой встречи с другом приятно бодрили его.

– Рубашка и брюки, – произнес он, рассматривая собственное отражение в зеркале.

Пролистывая мгновенно сменявшиеся на теле варианты покроя одежды, Роб внезапно пошатнулся, он даже рефлекторно взмахнул рукой в поисках опоры. Он стал ощущать, что все стало мягким и липким, что сверху на него падает вся окружающая действительность, она давила, словно толща воды на большой глубине. Матти сковал панический страх. Он стал полной грудью жадно вбирать в себя воздух, в попытке выбраться из этого состояния, но тщетно, – его затягивало все сильнее. Вот уже и мысли он перестал контролировать; страх ушел, как и осознанность происходящего. Угольно-черная пустота вокруг, но не пропитанная жутким ужасом; темная чистая гладь принесла умиротворение. Дышать стало легче. Разум понемногу привыкал к этой новой реальности. Роб ощутил чей-то взгляд на себе и осмотрелся. Абсолютная чернота вокруг, но какая-то сладостная, убаюкивающая, теплая. Вдруг он увидел себя посреди темноты. Обнаженный, раскинув руки и ноги, он парил в невесомости. На груди своей Роб заметил висевший на цепочке предмет, – ромб с иероглифом, тот самый, что видел при встрече с таинственной девушкой. Пиктограмма на кулоне вспыхнула зеленым свечением. Мертвая тишина ночи содрогнулась. Матти послышалось нечто, – глухой, густой голос нарастал откуда-то из непроглядной бездны, пронизывал все вокруг и, словно случайно угодив в разум Роба, пытался покинуть его границы, разрывая изнутри мощными вибрациями от затылка до пят;

запутавшись в нем, и, не найдя выхода, вновь, гулким, зычным эхом заполнял сознание. Из этого несвязного, смутного рокота Матти постепенно стали различимы лишь несколько слов, звучащих на незнакомом языке, но через множество повторений, он стал отчетливо понимать их смысл:

– *Ищи дорогу домой. Сила смерти дремлет внутри тебя...*

Матти очнулся в медицинском модуле. Открыв глаза, он долго лежал не двигаясь, отрезанно изучая тиннитус в ушах.

– Как себя чувствуешь? – всколыхнул тишину голос Эйлы. Все это время она стояла неподалеку от модуля, не решаясь потревожить Роба.

Произошедшее добавило неразрешенных вопросов в и так переполненную чашу неведения. Хрупкое равновесие окончательно было нарушено; чтобы не провалиться в нескончаемый, с ума сводящий анализ происходящего, у Матти вдруг включился защитный режим, – он решил просто плыть по течению, но сосредоточено, с холодным умом делая выводы и отбрасывая, или откладывая в сторону то, что осмыслить на данный момент не представляется возможным.

Матти сел, вытянул руки и спину, глядя на показатели экрана, в которых отображались данные его идеального физического состояния.

– По всей видимости, я в порядке.

– Я обнаружила тебя лежащим в гардеробной без сознания. А когда попыталась привести в чувства, ты стал судорожно подергиваться и шептать что-то на непонятном языке...

– Наверное какие-то слова из “Земного мира”, – уклончиво произнес Роб и добавил строгим тоном: – Никому не говори об этом. Удали отчет о случившемся из медицинского модуля.

– Может это побочный эффект такой от сеансов? Возможно психическое заболевание и тебе следует сообщить об этом...

– Никому. Ничего. Не говори. – грубо перебил искина Роб, протяжно, с расстановкой выделив каждое слово.

Он встал, оделся. Подошел к дверному проему.

– Уитс выходил на связь?

– Да, он звонил минут десять назад. Сказал напомнить, что ждет все там же.

Матти, остановившись перед дверью по центру круга, скомандовал:

– Игровой клуб “Войд”.

Гигантский огненный шар, прожигая воздушную массу со сверхзвуковой скоростью, искривлял под собой зеркально гладкую водную поверхность, выгибая ее глубокой, сверкавшей алыми бликами бороздой. След от массивного, тлевшего в запредельных температурах объекта, вытянулся в воздухе длинной рассеянной полосой, усыпанной искрами в багряном дымчатом мареве, по направлению к дремавшим в безмятежном спокойствии, величественным, пронзавшим небеса строениям. Еще мгновение, и тяжеловесный, пламенеющий снаряд, мелькнув в панорамном остеклении оранжево-красными извивавшимися во все стороны палящими струйками, поразил сразу три небоскреба, содрогнув оглушающим, грохочущим треском округу. По центру расположившихся стройным рядом монументальных высоток, зияла колоссальных размеров дыра. Изогнутым, огненным серпом, словно надкусанное яблоко, светился плавящийся металл и пластик зданий, стоявших с двух сторон от принявшегося на себя основной удар сооружения, безжалостно ополовиненного мощным, жгучим ядром. Верхняя часть конструкции, не имея теперь опоры, с шумным дребезгом рухнула вниз, разрушая уце-

левшее основание, скрывая фундаменты соседних домов плотным, непроглядным слоем пыли. Один за другим строения стали заваливаться друг на друга, как карточный домик разлетаясь в труху, с диким, звенящим скрежетом, пока не осталось на месте их некогда горделивого красования лишь густое, серое облако из мириад осколков стекла и крошечных хлопьев пластика и бетона, разлетавшихся веером во все стороны. Пыльное покрывало, быстро преодолев расстояние в километр от эпицентра разрушений, резко рассеялось, растворившись в воздухе прямо перед лицами стоявших на краю игровой платформы троих человек.

– Страйк! – радостно воскликнул Ларом Уитс, с восторгом разглядывая окутанные мгlistой пеленой руины. Он находился у линии, отделявшей твердое покрытие игровой зоны от виртуальной вселенной. Пространство за линией не имело границ. По ту сторону от игроков расплзлась во все стороны идеально ровная водная гладь, опоясывавшая расположенный примерно в километре от них, небольшой островок с выстроенными на нем в ряд небоскребами. Все окружение замерцало и через несколько секунд новые здания вновь возвышались над водной поверхностью, щеголяя переливавшимся отражением ясного неба в девственно чистом фасадном остеклении.

– И как ты это делаешь?! – озадаченно почесывая затылок произнес Кай Иратли, – высокий, стройный молодой человек. Как и Уитс он не имел волосяного покрова на голове. На фоне бледной кожи лица, из-под широкого лба и татуированных бровей горели два фиолетовых глаза.

– Да тут все просто, целишь примерно в центр, чуть выше пятых этажей, и швыряешь посылнее. – сказал деловито Уитс, взял в руки снаряд, внешне похожий на обычный шар для боулинга, разбежался и метнул его, что есть сил. Как только ядро пересекло линию, отделяющую игроков от воды, оно тут же вспыхнуло ярким пламенем и устремилось сеять разрушения, многократно увеличиваясь в размерах. Через несколько секунд после броска все вновь затянулось пыльным сумраком, над которым горделиво позировало, раздражая своей неуживчивостью, одно выстоявшее сооружение.

Уитс раздосадовано выругался. Он посмотрел на Роба, безразлично уставившегося на тлевшие обломки строений.

– Твоя очередь.

– Я пропущу. Пусть Кай бросает, – хмуро протараторил Роб.

– Ну уж нет! Разнести в щепки целый город! – ничего действеннее не спасает от серых мыслей, – воодушевленно настаивал Ларом Уитс, положив Робу на колени тяжелый круглый снаряд.

Матти обреченно вздохнул, пророча будущие заботливые нравоучения, зная, что проще поддаться назойливому другу, чем тратить силы на бессмысленное сопротивление. Он схватил глянцевый шар и не целясь швырнул его к прогрузившимся, обновленным сверкавшим высоткам. Раскаленное, смертоносное тело просвистело мимо, не оставив на постройках ни царапины. Роб укоризненно взглянул на Уитса, излучая мысленно: “Ну-у, ты этого хотел?!”.

– Ты специально бросил мимо, – упрекнул друга Ларом.

Спустя нескольких серий бросков и пары стаканов пива, оживившийся под градусом Роб, все же впал в азарт, соревнуясь и подкалывая остальных.

В очередной раз выбив страйк, Уитс ликующе, под торжественный аккомпанемент взывавшей музыки, провозглашающей победителя, язвительно заявил, опершись руками на плечи соперников:

– И это я еще поддавался...

– Да пошел ты! В следующий раз я выбираю игру, – с обидой произнес Кай.

Роб, глядя на доску почета, где его имя числилось на втором месте, шутливо произнес:

– Я вообще бросал с закрытыми глазами всю дорогу, из жалости... Надо же тебе хоть раз победить.

Они посмеялись, завалились на мягкие диваны, потягивая из узких высоких стаканов новую порцию холодного пива. Уитс стал пролистывать различные варианты сооружений для разрушения, мгновенно сменявшихся в километре от них. Вот промелькнули высокие башни каменного замка, окруженные оборонительными стенами с боевыми площадками, следом выстроенные в ряд огромные изваяние неизвестных героев...

– Погоди! Верни назад, – попросил Роб.

Уитс отмотал несколько конструкций и взору собравшихся вновь представилось старинное сооружение.

– Это?

– Да. Я видел нечто похожее в том проекте, – Матти протяжно пронзил друга взглядом, после мельком перевел зрачки на Кая.

– Ты можешь говорить смело, – успокоил его Ларом. – Собственно, потому я тебя и позвал. Кай тоже один из тестеров проекта, и ему есть, что тебе рассказать. Надеюсь, ты еще не подавал новой заявки?

Роб недоуменно взглянул на Кая, после опять на Уитса и растерянно произнес:

– Не подавал... Но как вы...

– Ох, это интересная история. Мы познакомились случайно, – начал объяснять Уитс. – Я же все-таки решил подать заявку на участие.

– Я в курсе, – перебил друга Роб. – Ко мне приходил один из состава руководителей проекта, спрашивал за тебя...

– Странный тип с хитрой рожей? Который еще говорит о себе во множественном числе? – вклинился в разговор Кай.

– Он самый. – улыбнулся Роб. – Слим Барден его зовут. Действительно странный мужик.

– Так вот, – продолжил Уитс, – Мою кандидатуру сразу отклонили, и я от скуки отправился выпить в “Черный квазар”.

– Ну естественно, куда бы еще, – иронично прокомментировал Матти.

– Да-а... – сбился с мысли Уитс. – Ты мне так красочно описал “Земной мир”, что я аж загорелся! И когда получил сообщение с отказом, сильно расстроился. Но, как выяснилось, судьба меня уберегла. Так вот... На чем я остановился?

– Да ни на чем, – с долей раздражения в тоне промолвил Роб. – Ты отправился выпить в “Квазар”...

– Точно! – Уитс сделал затяжной глоток пива. – В разгар веселья, когда проектор указал на очередного гостя, я увидел знакомые, с твоего описания, пейзажи, среди которых бегали эти... Маленькие люди!

– Дети, – поправил его Матти.

– Представь мое удивление... – согласился кивком Уитс, погрузившись в воспоминания, изумленно умиляясь, указал рукой небольшой рост этих странных для него созданий. – Вот такие! А потом, вдруг, картина резко сменилась; люди начали драться, резать друг друга... Все превратилось в кошмар, так что некоторые посетители стали кричать и просить остановить это дикое зрелище... За свои частые похождения в “Квазар” я повидал много бредовых, порой даже страшных образов... Но, чтобы такое! Сплошная мясорубка... И так все явственно, с подробностями, с невероятной жестокостью. Ух! До дрожи. – Уитс скривил лицо и судорожно, взглянув на всплывшую из памяти кровавую картину, передернул плечами.

– Да уж... А, я в этом участвовал. – печально улыбнулся Роб. – До сих пор не отойду. Так сложно все это принять. За игровую жизнь я убил много человек... Там то во все это веришь на сто процентов. Вокруг людская жестокость в ее апогее, и порой, она заполняла меня... Кажется, ожоги от той злобы, что бурлила во мне, все еще болят где-то внутри...

– Но, все же это всего лишь игра! Не забывай, – сказал Уитс. – Да, очень реалистичная, необычная, и, видимо, созданная больными извращенцами!

– У меня появилось еще больше сомнений на этот счет.

– Опять ты за свое...

– А меня зарубили топором, – тихим голосом вмешался Кай в диалог, сосредоточенно исследуя кратеры в пивной пене, – Какие-то бандиты напали на нашу семью и меня убили в возрасте двенадцати лет. – Кай непроизвольно стал прощупывать ключицу. – Но, что хочу сказать, при всей жестокости, нельзя не признать, что там были и прекрасные, невероятные моменты. Таких эмоций я не испытывал ранее. Momentами, я чувствовал себя каким-то полным жизни... Вот это чувство, когда есть страх смерти, – продолжил он задумчиво, – Жизнь воспринимается совсем по-другому, кажется, более ценной и красочной что ли.

– Есть такое, – согласился Роб. – Правда по прошествии игровых лет, мир там стал гораздо суровее. В первую сессию я сильнее прочувствовал все то, о чем ты сейчас говоришь.

– Да ладно! – зацепился возбужденный Уитс за слова Кая, словно дал эмоциям настояться минуту. – Красочнее? Ты серьезно? Вам что там всем мозги промыли?! Мы только что в хлам разнесли целый город, разве не красочно? И без всякой смерти обошлись. Или вас там зомбируют, или эта игра какой-то новый наркотик! Потому что после всего услышанного, есть ощущение, что вы свихнулись. Ты же сам сказал, Кай, – тебя зарубили топором! И то, что я наблюдал из твоих проекций в “Квазаре”, – это же кромешный ужас!

– Да ты не понимаешь! – воодушевленно начал Роб. – Ты мыслишь с ракурса нашего восприятия мира, а когда ты в сеансе, – ты живешь совсем иной реальностью; веришь только в то, что видишь вокруг и в то, что тебе рассказывают другие... Полностью другое сознание. Да, – страшно. Да, – жутко. Но благодаря этому мраку, отчетливо видны искры чистейшей, искренней любви, бескорыстного самопожертвования; проявления какой-то бездонной, добросердечной природы... Чаше эти события мимолетны, но именно от того они становятся чрезвычайно дороги и ценны. Для тебя звучит это нелепо, и я прекрасно тебя понимаю.

– Я думаю, кто-то опять перебрал. – Уитс отодвинул на противоположный край столешницы пивной стакан от Роба. – На мой взгляд определенно лучше постоянно умеренный, монотонный свет, чем призрачное, скоротечное сияние во тьме... Ладно. Пусть каждый останется при своем мнении. Мы вообще ушли не туда и отклонились от главной темы. – Ларом сердито одернул за рукав Матти, пытавшегося, растянувшись пузом на весь стол, вернуть конфискованный напиток. – Это важно, Роб! – дождавшись, пока друг вернется в нормальное сидячее положение, он продолжил. – И так, после тех увиденных, мягко говоря странных образов в “Квазаре”, я подошел познакомиться к Каю. Мы изрядно выпили и долго говорили по душам. Я ему рассказал про тебя, а он мне вот, что поведал, – слухи ходят нехорошие вокруг этого проекта, уже несколько тестеров пропали без вести, будто их и не существовало никогда! – договорив, Уитс, чтобы произвести большее впечатление, уставился на Роба таким странным, пронзительным взглядом, с каким нерадивый отец, сообщает уже давно повзрослевшему ребенку, о их родственных связях. И вопреки ожиданиям, в ответном взгляде, вместо бескрайнего моря скептицизма, он увидел тревожное оцепенение.

– Что еще за слухи такие? От кого? – Роб, конвульсивно спустив одно веко ниже другого, смотрел то на Уитса, то на Кая.

– После моего первого и последнего сеанса, вроде как день на следующий, в отеле “Йота Времени”, ко мне подошел загадочный тип, – начал рассказ Кай. – Сказал, что мне следует, для собственного блага, отказаться от дальнейшего участия в проекте “Земной мир”. Мол, придумай неподозрительную отмазку. И, что особенно странно, – он обратился ко мне по игровому имени, потому к его словам я решил прислушаться. Ни на какие вопросы он не отвечал. Сообщил лишь, что хочет помочь и поведал о таинственных исчезновениях тестеров, среди которых упомянул Хинга, – моего давнего знакомого, с которым я не виделся уйму времени... Сказал, что нам нельзя долго разговаривать, мол за нами могут следить, и чтобы я никому из разработчиков, и тем более руководству, об этой встрече не докладывал; иначе, могу исчезнуть и

я. Затем, пока я еще переваривал им сказанное, он быстро скрылся из виду. – Кай освежил горло пивом и продолжил: – Я решил проверить, – искал Хинга через все доступные каналы и общих знакомых, но он словно растворился в пространстве. Никаких зацепок... Самое пугающее в этой мутной истории, – я вспомнил, что у нас были совместные фотоснимки; зашел в архивы, – ни одного снимка с ним! Кто-то все подчистил, и у этого “кто-то”, судя по всему, неограниченный доступ к любой информации.

На фоне всех развернувшихся ранее событий, Роб, пришедший на встречу с надеждой, что предостережение друга было раздуто его время от времени всплывавшей на поверхность личностью алармиста, и ему удастся развеется, теперь, внимая услышанное, чувствовал, как паническая дрожь разрасталась из самого сердца. Поймав себя за руку, дабы вновь не провалиться в темную бездну бесцельного хаоса тревожных мыслей, он тут же вспомнил о данной себе установке зоркого, невозмутимого, хладнокровного наблюдателя, и глубоко вздохнул, в потуге помыслить логически.

– Тебе нужно соскакать с этого проекта, Роб, – обратился к другу Уитс. – Как можно быстрее.

Кай хранил молчание, глядя на размышлявшего Роба.

– Да уж. Видимо, это все же была не проверка, – тихо озвучил свои домыслы Роб Матти, гуляя зрачками по узорам столешницы.

– Проверка? Ты, о чем?

Уитс и Кай смотрели на Роба, в ожидании пояснений.

– Мне тоже есть, что рассказать, – начал Матти. – Пока не пойму, как, но эти события явно связаны...

– Вами были нарушены все пункты договора о неразглашении, – оборвал речь Роба сухой, холодный голос.

Все трое невольно вздрогнули, словно почувствовали внезапное дуновение арктического, ледящего порыва ветра. Обернувшись в сторону источника, они увидели бледное, безэмоциональное лицо Слима Бардена. Его черный, элегантный, плотно прилежавший к телу костюм, подчеркивавший высокую, худощавую фигуру, четко выделялся на фоне исчезавшего за горизонтом, небесно-бирюзового виртуального неба. Слим стоял неподалеку от двери, одиноко грустившей посреди пустоты окружавшего пространства. Из-за его угловатых плеч, по обе стороны, выглядывали два представителя отдела контроля, скрывавшие лица в овальных, белых шлемах, половину объема из которых занимали тонированные в непроницаемый черный цвет, широкие визоры. Франтоватое обмундирование представителей закона было также чисто белого цвета, с контрастными, ярко-синими лентами и деталями экипировки. Несмотря на лощеный, парадный внешний вид группы контроля, в виду сложившейся ситуации, их стильные, заостренные лицевые щитки, торчащие из-за спины Бардена, нависли угрозой и добавляли напряжения в лица застигнутых врасплох собеседников.

– Вы, что, следили за нами?! – разгоряченно воскликнул Уитс. – Нарушение любых пунктов договора не дает вам на то права! – он тут же перешел в атаку. – Вы не имели права вторгаться сюда без нашего уведомления. – Ларом Уитс направил взор в сторону сотрудников отдела контроля и заявил: – Прошу выпроводить этого человека!

Блюстители порядка даже не шелохнулись. Каменная твердь лица Слима треснула в районе подбородка, и ломанная линия процарапала улыбку, но не дружелюбную, в его обычной манере, в этот раз она выглядела зловещей насмешкой. Он подошел к столешнице, сел в левитирующее кресло и закурил сигару, бесцеремонно выпустив облако дыма в лица собравшихся за столом. После, сверкнув пронизательным взглядом в сторону Роба, спросил:

– Эйла сказала вам стало плохо, и вы потеряли сознание?

– Какого черта сейчас происходит?! – раздраженно ответил вопросом на вопрос, испуганный Матти. – Вы, что, допрашивали моего искина?

– Мы просто осведомились о вашем самочувствии. Не более, – спокойно произнес Слим. – Я так понимаю, вы поделились не всей информацией о последнем игровом сеансе? – Барден не сводил пристальный взгляд с Роба.

Матти хоть и обещал себе быть хладнокровным и расчетливым, это слово не удержал. Возможно на почве алкогольного опьянения, тревога, и страх, не отпускавшие надолго после выхода из второго сеанса, – вдруг улетучились, и им овладели злость и возмущение. Почему он должен оправдываться перед тем, кто сам зарылся во лжи, оставив на поверхности лишь лицемерие и изворотливую фальшь?

– А если так, то что?! – почти вскрикнул Роб. – Вы меня убьете, так же, как и Хинга?

– Нет конечно. Вы нам еще нужны, – Слим выпустил очередной, нахальный клубок едкого дыма. – Мы же высокоразвитые существа. Забыли? Это не наши методы. Слишком примитивно и кроваво. А вот ваших друзей отправим с билетом в один конец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.